

Святитель Макарий Коринфский
Добротолюбие. Том II
Серия «Добротолюбие. В 5 томах», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436515

*Добротолюбие: дополненное. В 5 тт. / В русском переводе святителя Феофана, Затворника
Вышенского. Том II.: Сибирская Благовонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-302-7*

Аннотация

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г.

Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется».

На славянский язык греческое «Добротолюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894).

Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «изданием Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря».

По благословию митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА
Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Иоанн Кассиан Римлянин	4
О святом Иоанне Кассиане краткое сведение	4
Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани	6
1. Цель и конец подвижничества (Соб. 1-е)	6
2. Смотря на сию цель надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3-е)	7
3. Борьба плоти и духа (Соб. 4-е)	8
4. Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5-е)	10
5. Борьба с восемью главными страстями	12
7. Борьба со всякого рода скорбями от бед и напастей (Соб. 6-е)	53
8. О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни	62
9. О молитве (Соб. 9)	64
10. О руководстве в духовной жизни – рассуждении с советом опытнейших (Соб. 2)	70
11. О степенях совершенства духовной жизни, по побуждениям к ней (Соб. 11-е)	72
12. О конце покаянных трудов (Соб. 20-е)	74
Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский	77
Краткое сведение о преподобном Исихии	77
Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Святитель Макарий Коринфский

Добротолюбие. Том II

Иоанн Кассиан Римлянин

О святом Иоанне Кассиане краткое сведение

Св. Иоанн Кассиан Римлянин родился (в 350–360 г.), вероятно, в Галльской области, там, где Марсель, – от знатных и богатых родителей и получил хорошее научное образование. С юных лет возлюбил он богоугодную жизнь и, горя желанием достигнуть совершенства в ней, отправился на Восток, где вступил в Вифлеемский монастырь и принял монашество. Здесь слыша о славной подвижнической жизни Египетских отцов, он пожелал видеть их и поучиться у них. Для сего, согласившись с другом своим Германом, отправился туда около 390 г., после двухлетнего пребывания в обители Вифлеемской.

Семь целых лет провели они там, жилали и в скитах, и в келлиях, и в монастырях, и среди отшельников, в уединении, все замечали, изучали и самим делом проходили; и ознакомились подробно с тамошнею подвижническою жизнью, во всех ее оттенках. В свой монастырь возвратились они в 397 г.; но в том же году опять отправились в те же пустынные египетские страны и пробыли там еще до 400 года.

Оставив Египет в этот раз, св. Кассиан с другом своим отправился в Константинополь, где они были благосклонно приняты св. Златоустом, который св. Кассиана посвятил в диакона, а друга его, как старшего, во священника (в 400 г.). Когда св. Златоуст присужден был к заточению, лица ему преданные послали (в 405 г.) по этому делу в Рим к папе Иннокентию некоторых ходатаев, в числе которых был и св. Кассиан с другом своим. Посольство это кончилось ничем.

Св. Кассиан после сего не возвращался уже на Восток, но отправился на родину и там продолжал свою подвижническую жизнь, по египетским образцам; прославился и святостию жизни, и учительскою мудростию, и был посвящен во священника. Стали собираться к нему ученики один за другим, и скоро составилась из них целый монастырь. По примеру их недалеко устроился и женский монастырь. В том и другом монастыре устав был введен тот, по которому монахи жили и спасались в восточных и особенно в египетских монастырях.

Благоустройство этих монастырей в новом духе и по новым правилам и явные успехи подвизавшихся там обратили на себя внимание многих иерархов и настоятелей монастырей Галльской области. Желая завести и у себя такие порядки, они просили св. Кассиана написать им иноческие уставы восточные с изображением и самого духа подвижничества. Он исполнил с охотою это прошение, описав все в 12 книгах постановлений и в 24 беседах.

Почил св. Кассиан в 435 г. Память его совершается 29 февраля.

Из сих аскетических Писаний св. Кассиана в прежнее Добротолюбие взяты восемь книг (5-12) о борьбе с восемью главными страстями и одно (2-е) собеседование о рассуждении, – то и другое в сокращенном извлечении.

Сему подражаем и мы. Главным заимствованием будут восемь книг о борьбе со страстями в наиболее полном переводе с присовокуплением в некоторых местах статей и из собеседований, где это подходит. Но кроме того сочтено нужным впереди них поместить несколько извлечений из собеседований, в коих показывается значение борьбы со страстями в духовной жизни, или место ее в течении подвижничества, выясняется необходимость сей

борьбы и представляется общее очертание страстей и борьбы с ними; а после них приложить еще извлечения, в коих описываются другие две брани, – именно с помыслами и скорбями от бед и напастей, как приложение к предыдущему изображению борьбы с восемью помыслами. В конце же всего прилагаются в виде прибавления нужные наставления о нескольких предметах, которые, хотя говорят о духовной жизни вообще, но близко касаются и духовной брани, таковы: о благодати и произволении как деятелях в производстве духовной жизни, – о молитве, в коей они сходятся, – о степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней, – и конце покаянных трудов. – Почему эти прибавления не мешают нам все извлекаемое из Писаний св. Кассиана озаглавить так: *обозрение духовной брани*.

Таким образом извлечения из св. Кассиана будут идти под следующими оглавлениями:

1. Цель и конец подвижничества.
2. Смотри на сию цель, надлежит определить и то, каково должно быть наше отречение от мира.
3. Борьба плоти и духа.
4. Общее очертание страстей и борьбы с ними.
5. Борьба с восемью главными страстями:
 - а) с чревоугодием
 - б) с духом блуда
 - в) с духом сребролюбия
 - г) с духом гнева
 - д) с духом печали
 - е) с духом уныния
 - ж) с духом тщеславия
- з) с духом гордости.
6. Борьба с помыслами и чрез них с злыми духами.
7. Борьба со всякого рода скорбями.
8. О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни.
9. О молитве.
10. О руководстве в духовной жизни.
11. О степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней.
12. О конце покаянных трудов.

Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани

1. Цель и конец подвижничества (Соб. 1-е)

1. Все науки и искусства имеют свою цель (scopon) и свой конец (telos), – смотря на которые, рачительный любитель искусства охотно переносит все труды и издержки. Так земледелец, терпя то зной, то холод, неустойчиво распахивает и разрыхляет землю, имея *целию*, – очистив ее от всякого стороннего сора, сделать плодороднейшею; убежден будучи, что иначе не достигнет *конца*, т. е. получения обильной жатвы для содержания себя и умножения своего достояния. Так и подвижничество наше имеет свою цель и свой конец, ради которого неустойчиво и с удовольствием подъемлем мы все труды, – ради которого не тяготит нас скудость питания постнического, веселит изнеможение от бдений, всегдашнее чтение Писаний с размышлением не знает сытости, и не страшат ни непрестанный труд, ни обнажение от всего и скудость во всем, ни даже ужасы этой безмерной пустыни.

2. Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель – чистота сердца, без которой не возможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от нее, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исправлять его, как по норме какой.

3. Так учит св. Павел, когда к принявшим благое иго Христово говорит: *имате плод ваш во святыне, кончину же – жизнь вечную* (Рим. 6, 22). Этим он сказал как бы: цель ваша – в чистоте сердца, а конец – Жизнь Вечная. Итак, что может нас направить к сей цели, т. е. к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от нее, того избегать, как губительного и вредного. Ибо для нее все подъемлем мы и делаем; для нее оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехи мира сего и все удовольствия, – чтоб, т. е. сохранно удерживать постоянную чистоту сердца. Если посему будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ее. Если же она не будет неотходно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы.

4. Итак, для этой чистоты должно нам все делать и всего желать; для нее в пустыню следовать, для нее держать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и прочие добродетели, – чтоб, т. е., соделать сердце свое не болезнующим никакими пагубными страстями и сохранить его таковым. Посты, бдения, отшельничество, поучение в Писании для этой главной цели, т. е. чистоты сердца, подобает нам поднимать; и из-за них не должно позволять себе возмущать сию главную добродетель. Ибо когда пребудет у нас сохранною и невредимою сия главная добродетель, то никакой не будет беды, если какой-нибудь из сказанных подвигов придется в каком-либо случае по необходимости опустить: когда же мы все их выдержим, а ее одну нарушим, то никакой не будет от этого пользы; потому что все должно быть делаемо для нее. Они (подвиги) не суть совершенство, а суть средства к совершенству. Почему напрасно будет трудиться, кто, удовольствовавшись ими одними, будто *верховным благом*, на них остановит стремление своего сердца, а не будет простирать его до достижения конца, для которого они сами желательны.

2. Смотря на сию цель надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3-е)

5. Есть три вида отречения от мира: первое то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе то, в коем оставляем прежние нравы, пороки и страсти, как душевные, так и телесные; третье то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, только будущее созерцаем и вождевуем того, что невидимо, Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1): *от земли твоея*, т. е. от богатства мирского и земных стяжаний; *от рода твоего*, т. е. от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прицепившись к нам с самого рождения, близко родственны нам, как бы единокровные; *от дому отца твоего*, т. е. от всякого воспоминания о мире и обо всем, что встречается в нем взорам нашим. Это бывает, когда, умерши со Христом от стихий мира, смотрим, по Апостолу, уже не на то, что видимо, но на то, что невидимо; *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. 4, 18), – и, исшедши сердцем из сего временного и видимого дома, свои очи и ум обращаем к тому дому, в коем имеем пребывать вечно; – когда *во плоти ходяще, не по плоти воинствовать начнем* в Господе (2 Кор. 10, 3), оное блаженного Апостола изречение делом и жизнью возглашая: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

6. Не много будет для нас пользы, если, со всею теплотою веры совершив первое отречение, не исполним с таким же рвением и жаром и второго, – чтоб, успев таким образом стяжать и это, могли мы достигнуть и того третьего, в коем, исшедши из дома прежнего отца нашего по ветхому человеку, всецело устремляем взор ума нашего к Небесному. Посему, если желаем достигнуть истинного совершенства, то должны стремиться к тому чтоб, как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирские, так оставить все то и сердцем, и никогда уже не возвращаться похотением к тому, что с презрением отвергли: подобно Израильтянам, изведенным из Египта, которые, по вкушении Небесной манны, желали нечистых и скверных яств Египетских, говоря: *хорошо нам было в Египте, когда сидели мы над котлами* (Исх. 16, 3; Чис. 11, 5). И всякий кто по отречении от мира возвращается к прежним заботам и прежними увлекается пожеланиями, делом и мыслию говорит то же, что и те: *хорошо мне было в Египте* (мира). Телом только оставление мира, и местом только переселение из сего Египта никакой не принесет нам пользы, если мы равным образом не сможем стяжать и отречение сердцем, которое выше и полезнее. О том отречении, которое мы назвали телесным, вот что провозгласил Апостол: *аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никакая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3). То есть, если так отрекусь, что ничего не оставляю себе, и к сему всеразванию присовокуплю еще мученичество и сожжение своей плоти, так что тело мое предам за Христа; и однако же буду нетерпелив, гневлив, завистлив, или горд, буду воспаляться обидами других или взыскивать своего, буду помышлять о том, что худо, или нетерпеливо и неохотно переносить все, что бы ни было мне причинено: то никакой не принесет мне пользы отречение и сожжение внешнего человека, когда внутренний притом обложен еще прежними страстями.

7. Итак со всем настоящим надобно нам спешить к тому, чтоб и внутренний наш человек сбросил с себя и расточил все собранное им в прежней жизни богатство страстей, которые, прицепляясь к телу и душе, собственно наши суть, и если, пока еще мы в теле сем, не будут отсечены и отброшены, то и по исходе не перестанут сопровождать нас. Ибо как добродетели, или самая любовь, которая есть источник их, будучи приобретены в сем веке, и по кончине сей жизни делают любителя своего прекрасным и светлосиянным: так и пороки, покрыв некако душу отвратительными красками, запятнанною же ими препровождают ее и

в оное непрестающее пребывание. Красота или отвратительность души порождаются качеством добродетелей или пороков, из коих извлекаемая некая краска делает ее или столь светлосиянную и прекрасною, что она достойна бывает слышать слово пророческое: *и возжелает Царь доброты твоея* (Пс. 44, 11), – или крайне черною, смрадною и безобразною, так что она сама, исповедуя смрадность своей скверноты, скажет: *возмердеши и согниши раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6). Посему они-то (добродетели и страсти) суть собственно наше богатство, которое неразлучно пребывает с душою, и которого ни один царь нам дать, и ни один враг отнять у нас не может. Они-то суть собственно наше богатство, которого и самая смерть не сильна отторгнуть от души.

(Расточать злое богатство страстей значит умертвить их, – чего нельзя достигнуть без борьбы с ними. Почему отрехшимся от мира неизбежно предлежит борьба со страстями, за которую они и должны браться с первых же пор. У св. Кассиана о сей борьбе идут и общие рассуждения в беседах – 4-м *о борьбе плоти и духа*, и 5-м *об восьми главных страстях*, – предлагается и в частности подробное описание борьбы с каждою из восьми главных страстей в книгах постановлений. – Заимствуем из всего существеннейшее).

3. Борьба плоти и духа (Соб. 4-е)

8. Есть брань в членах наших, как читаем у Апостола: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию, она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностью человеческого естества после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Надлежит однако ж верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем природна. Она оставлена в нас для возбуждения в нас ревнования о высшем совершенстве.

9. Слово *плоть* в сем месте должно принять не в смысле человека как существа, а в смысле воли плотской, или худых пожеланий: равно и под словом *дух* разуместь надо не какое-либо существо личное, а пожелания души добрые и святые. Такой смысл определил сам же Апостол, говоря так: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте: плоть бо похотствует на духа*, и проч. (там же, ст. 16, 17). Так как те и другие пожелания находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри нас непрерывная междоусобная брань. Тогда как похоть плоти, главным образом стремящаяся к греховному, находит удовольствие в одном том, что относится к удовлетворению потребностей настоящей жизни; дух, напротив, весь желает прилепиться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, и желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы тленной плоти сей. Плоть услаждается изобилием и всякими удовольствиями; духу не приятно попечение даже о предметах естественных потребностей. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; этому так питательны бдения и посты, что он не хотел бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желает изобилловать всякими богатствами; этот не доволен даже тем, что имеет малое количество хлеба на каждодневное употребление. Та желает нежиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднее жестокое житие и просторность неприступной пустыни, и не приятно присутствие смертных. Та пленяется почестями и похвалами человеческими; этому радостны гонения и обиды.

10. Когда воля наша водится самолюбием и земною мудростию; то загадывает держать некую, достойную всякого осуждения средину между сими двумя стремлениями, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы при этом нисколько не терпеть при скорбностей, неизбежных при исполнении требований духа, – без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упоением

плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточенных злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века сего, служить Христу с людскою славой и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малого оскорбления, – вообще достигнуть благ будущих, не теряя настоящих. Такая воля не ведет к истинному совершенству, но, поставляя в состояние противной теплоты, делает такими, каковы те, о коих с укором говорит Господь в Апокалипсисе: *вем твоя дела, яко ни студен еси, ни горяч, – о дабы студен был еси, или горяч. Тако, понеже тепл еси, изbleвати тя имам от уст Моих* (Откр. 3, 15–16). Но благодать, пришедши, возбуждает энергию духа и восстанавливает в нем высшие стремления, отрешающие от всего земного. Подвергаясь влиянию их, воля не может уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но восприимлет ревность о лучшем и ему приносит в жертву все низшее. Между тем однако ж тяготение к прежнему покою равнодушия остается в ней, и она бывает очень готова опять ниспасть в него. Чтоб этого не случилось, во плоти оставляются движения, враждебные высшим стремлениям, к которым воля, вкусившая высших благ, благоволить не может, и лишь только ощутит их, тотчас оживляется всею ревностию и мужественно охраняет высшие свои блага. И бывает, что коль скоро воля ниспадет в богопротивную теплохладность, восстает брань плоти и пробуждает ее к энергии. Из сего явно, что мы навсегда оставались бы в состоянии помянутой выше богопротивной теплоты, если б из него не выводила нас восстающая в нас брань. Ибо при ней, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает стоять в отрадной чистоте желаемой, и увлекает к охлаждающему удовольствию, – не благоволимому, – увлекает как бы на путь, заросший тернием. Но это раздражает заснувшую ревность по Богу; она восстает и прогоняет подступивших врагов. Ежедневно действуя в нас, брань сия приводит нас к благодетельной решимости, – отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа, – хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и неспанием, – восходить в доброе настроение духа чрез чтение, размышление и непрестанные молитвы.

11. Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: *сия языки остави Господь, да искусит ими Израиля... еже научити я брани* (Суд. 3, 1–2). – Таковую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю или не имел попечения о его благе, но потому что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянно нужды в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении к Нему и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и беспечности или расслабеть от лени и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

12. И от чего иного у скопцов по плоти мы находим душу усыпленную, как не от того, что, по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не имеют нужды ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца. Расслабленные такою беспечностью, не заботятся они о стяжании истинного совершенства, или об очищении сердца от душевных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое словом Самого Господа названо достойным отвержения, – за то, что от холодного перешедши к теплomu, остановилось на сей противной теплоте.

13. Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, т. е. начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отрелись от мира по внешнему человеку или прекратили оскверне-

ние себя плотским любодейством, мечтая о себе как о достигших уже совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в истреблении причин страстей и, таким образом остановясь посредине между плотию и духом, не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для сего совершенства достаточно по одному внешнему состоянию отделиться от жизни и удовольствий мира, и быть только непричастными разврату и смещению плотскому. Ибо если останемся в сем состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем изbleваны из уст Господа, как Он говорит: *понеже тепл еси... изbleвати тя имам от уст Моих* (Откр. 3, 16). Справедливо Господь объявил о тех, кои, быв восприняты Им во утробу любви, потом охладели, что они будут Им изbleваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской, т. е. мирской или язычник, нежели тот, кто, восприняв иго Христово, не вступил на путь к совершенству и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибежит к источнику всякой чистоты и совершенства, то гнушаясь тем холодным состоянием неверия и беспечности, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству. Напротив, кто с холодностию принимается за дело Божие и без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот однажды будучи поражен этою бедственною заразою, не может уже ни сам собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: *богат есмь, обогатихся, и ничтоже требую*; тогда как к нему приличнее приложить то, что следует далее: *и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 17). Таким образом он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого спасительного слова, не разумея, что в будущем веке будет подлежать неизбежно строжайшему суду и наказанию.

4. Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5-е)

14. Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

15. Страсти бывают *двух родов*: естественные, вырождающиеся из естественных потребностей, как например, чревоугодие и блуд, и неестественные, не коренящиеся в естестве, как например, сребролюбие. *Действия* же их проявляются *четверояко*: некоторые действуют только в теле и чрез тело, как чревоугодие и блуд, – а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются со вне, как сребролюбие и гнев, – а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей подает повод допустить в них еще два рода, – деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают, а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются, – и внешним, и внутренним.

16. Поясним нечто из сказанного более пространным рассуждением. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из коих исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при сем укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих. – Тщесла-

вие и гордость зарождаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем, когда из-за одного желания похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит пророк: *ты говорил в сердце своем: взыду на небо... и буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13, 14). Не имел он в такой гордости подстрекателя совне; она и зародилась и созрела вся внутри его.

17. Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т. е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние соединены между собою особым неким сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние. Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим: чтоб победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтоб прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтоб погасить гнев, нужно попать сребролюбие; чтоб исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтоб подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти, тщеславие и гордость, – таким же способом соединяются между собою, т. е. усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, т. е. чтоб истребить гордость, надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом; ибо не от них рождаются, а напротив по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. – Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою находятся отношении, как теперь показано, однако ж частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, гордость с тщеславием.

18. Каждая из страстей не в одном виде проявляется. Так, чревоугодие бывает трех видов: или порождает пожелание есть прежде установленного часа, – или ищет многоястия до объядения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие походя, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, – от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которою скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается чрез смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын патриарха Иуды (Быт. 38, 9, 10), и который в Писании называется нечистотою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Эти три вида бл. Апостол указал в след. стихе: *умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, похоть* и проч. (Кол. 3, 5).

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от мира обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, кто все уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел.

Три вида и гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством.

Печали два вида: первый – что посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, – а другой гонит из келлии.

Тщеславие хотя многовидно, однако ж главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся желанием суетной славы из-за духовных предметов.

Гордости два вида: первый плотской, второй – духовный, который губительнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

19. Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий; впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует: так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

20. Посему нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нее главно направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ее, против нее направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над какою-либо страстию, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при том ему, чтоб очиститься от нее, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том.

21. Когда такой борец почувствует, что освободился от первой своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтоб, увидев, какая за тем еще есть в нем сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нее в особенности подвинуть все духовные оружия. Побеждая таким образом всякий раз первейшие в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их.

22. Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься сею победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его, – и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем тою же страстию, какую победил было при помощи благодати Божией. И пророк не стал бы молиться: *не предай, Господи, зверям душу, исповедающуюся Тебе* (Пс. 73, 19), – если б не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтоб смириться.

5. Борьба с восемью главными страстями

23. Изображая борьбу с восемью главными страстями, будем описывать свойства их, указывать причины и предлагать пригодные против них врачевства.

а. Борьба с чревоугодием (Кн. 5)

24. Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть – борьба с чревоугодием, или со страстию пресыщения.

25. Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зелия, или сухой хлеб. Еще – иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вда-

ваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

26. Какими бы яствами ни было насыщаемо чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся, и лишает чистых и непорочных помышлений. Для Содомлян причиною их развращения и гибели было не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Господь чрез пророка укоряет Иерусалим (Иез. 16, 49). От чего согрешила сестра твоя, Содома, если не от того, что ела хлеб свой досыта и пресыщения? Поелику чрез такое насыщение хлебом они разжжены были неугасимым жаром похоти плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если таким образом их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла в стремнинную пропасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровье тела, позволяют себе есть мяса и пить вино в непомерном количестве, употребляя их, не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение.

27. Св. отцы мерою воздержания в пище положили то, – чтоб пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по сему и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелания яств, когда сего не требует бренность плоти. Ибо и Апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Он не совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтоб это делалось по похоти, – похотливую заботу о плоти отъял, а разумного, необходимого для жизни содержания ее не исключил; запретил первое, чтоб чрез поблажку плоти не ниспали мы до пагубных дел похотливых, а дозволил второе, чтоб тело, будучи расстроено неразумною строгостию, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов.

28. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе – настолько воздерживаться, сколько требует сего брань плотского восстания. – Посты, уставом определенные, всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не и чистоту целомудрия, если вслед за тем пойдет насыщение тела вдоволь: так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеют постоянной чистоты целомудрия, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания. Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни во что, и плод их скоро вытесняется страстию чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностию подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным по причине изнеможения тела.

29. Для сохранения чистоты души и тела не достаточно одного воздержания в пище, если к сему не будут присоединены и прочие добродетели душевные. Так перво-наперво надо научиться смирению чрез добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, – что большею частию бывает и по необходимости, но не должно допускать самого желания иметь их, если б случайно они были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попираť, а также и ума непостоянные и шатательные туда и сюда отбегания обуздывать непрестанным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам

возвращать сердце наше от парительного блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от сего созерцания, вкрадется в тайники сердца.

30. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутреннего человека распознается по совершенству сей добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке.

31. Итак первую нам надо поправить похоть чревоугодия, – и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стена при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно держать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайнего неистовства при подогревании ее яствами, и притупим пагубные жала ее. Так можем мы при обилии слез и непрерывности плача сердечного угащать печь тела нашего, царем вавилонским, т. е. дьяволом, в нас возжигаемую чрез подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораемся (на непотребное); пока благодатию Божиею, чрез веяние ее духа росного в сердцах наших совсем не будут потушены в нас пламы похоти плотской. И вот наше первое состязание – желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизить к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вождению души, подчиняемся этой необходимости, должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самого принятия пищи не надо отставать от сих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения предлагающими яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию, не будет услаждаться в то же время паче любовью к добродетелям и красотой вещей необходимых. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей.

32. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшие противоборства, – сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом подавление плотских вождений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто не законно сражается, не венчается.

33. Хочешь ли слышать истинного борца Христова, сражающегося по законному правилу ратоборства? – Внимай. – Лз, говорит он, *тако теку, не яко на неверное, тако подвизаюсь, не яко воздух бияй; но умерщвляю и поработаю тело мое, да не како проповедуя другим сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26, 27). Видишь, как он в себе самом, т. е. в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства и весь успех борьбы совместил в одном измождении плоти и покорении тела своего? Лз, говорит, *тако теку, не яко на неверное*. Не течет на неверное тот, кто, созерцая Небесный Иерусалим, имеет в нем

неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предначенной *почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14), куда устремляя всегда взор ума своего и куда спеша со всею готовностью сердца своего, с уверенностью вызывает: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). И поелику сознавал, как неумоимо, с живейшим по всей совести рвением, тек *в след вони мастей Христовых* (Песн. 1, 3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве; то с несомненным упованием наводит, говоря: *прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия* (2 Тим. 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: *не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его* [18], провозглашая, что в День Суда и мы соделаемся причастными его венцу, если, любя Пришествие Христово, – не только, в коем Он явится и для не желающих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, – одержим победу в ратоборстве чрез умерщвление плоти. О сем последнем Пришествии Господь говорит в Евангелии: *Аз и Отец Мой приидем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И еще: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечераю с ним, и той со Мною* (Откр. 3, 20).

34. Впрочем, Апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: *Аз тако теку, не яко на неверное*: [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестой воспевая: *в след Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 3); и еще: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9)]; но свидетельствует, что он и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: *такو подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабошаю*: что собственно относится к преболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и измождению плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотию, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что чрез умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы, – когда, укротив его бичами воздержания и измодив ударами пощения, доставил духу победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний, – как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею – плотию, и повергши ее некако под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! – Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во Святой Град, Небесный Иерусалим. *Тако подвизается* в постах, т. е. и умерщвлении плоти, *не яко воздух бияй*, т. е. не яко напрасно дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы, вращающихся в нем, поражал чрез умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: *не яко воздух бияй*, тот дает разуместь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поелику он, преодолев эти роды браней (т. е. с телом), снова выступал теперь украшенный многими победными венцами: то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: *нести наша брань к плоти и крови, но к началу и ко властем и к миродержителю тьмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

35. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какие толпы супостатов, какие полчища врагов восстанут против сего победоносного воина Христова, быв раздражены его победами! Это, – чтоб воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства, и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победные доблести, достойные высших наград. Итак, если не умаляясь, а возрастая в силе и мужестве,

желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги, – и сначала совершить то, в силу чего можем с Апостолом говорить: *такو подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю*, – а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в коем могли бы мы опять с Апостолом говорить: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, духовом злобы поднебесным*. Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в ратоборство не можем, как после победы над плотию, – и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотию и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости будет нам сказано от Апостола с укором: *искушение вас не постиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13).

36. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищею, и притом вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или питья, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекасть, с каким должны мы отсекасть движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как возможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей?

37. Не внешнего врага надобно нам бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержимы мы в ней победу, – и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага совне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам для совершенства сердца и чистоты тела может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к сему должно присовокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих, отучнев, впадает в обрывы сладострастия и без обилия телесного питания. – Осуждение ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не так легкая, а подчас вредная, и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучающая ее – несчастную счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели, и оставляет бесплодною и не способною приносить плоды духовные, – и следовательно, не только лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, Небесного же хлеба и твердой пищи делающее непричастною. Почему в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруждение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опустываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы измождение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда т. е. мы бываем неисправны тою частию нашего естества, которая собственно соделовалась жилищем Св. Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделовалось обиталищем Богу и храмом Духа Святого. Итак надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтоб сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает св. Апостол, когда говорит: *во внутреннем человеце вселится Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3, 16–17).

38. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской, и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий. Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать троякое правило: во-первых, ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом не полагаться пресыщению; в третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в сем отношении допускается не сообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов не одобряет, как оскверненного суетностию, тщеславием и хвастливостию. И мы никого не видели из тех, кои отличались даром ведения и рассуждения, и никого не знали из тех, коих благодать Божия выставила вперед, как блистательнейшие светила для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И наоборот никогда не видали мы, чтоб кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытейших мужей или сподоблялся благодати рассуждения и ведения.

39. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у египетских отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила сих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным, – и куда бы мы ни проходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, – но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди. Итак принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Него снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. *Ибо не могут сыны брачнии поститься, дондеже жених с ними есть. Приидут же дние, егда отыметя от них жених, и тогда постятся* (Лк. 5, 34, 35).

40. Крайности, как говорят св. отцы, с той и другой стороны равно вредны, – и излишество поста, и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом, и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

41. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия, и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действию, а от первого нельзя.

42. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние отцы наши часто рассуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб, и мерою употребления его постановили – два небольшие хлебца весом около фунта.

43. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, – но то постится чрезмерно, то пресыщается; тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве, – потому что от неядения не может быть бодрым в молитве, клонясь от бесилия ко сну; а целомудрию, – потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста.

44. Мерное употребление пищи, по мнению отцов, состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, – ни в пресыщение, подавляющее дух.

45. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтоб книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения, – забывать обиды, отрывать печаль, ни во что ставить скорби и потери, – как могущий умереть каждый день. Этим советуется – в отношении к первому, т. е. посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя ему в случае даже изнеможения тела переходить от строгости к излишеству; а в отношении ко второму, т. е. обузданию движений душевных, – спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире сем, но и пребывать несокрушимым несчастьями и скорбями, и пренебрегать ими как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чает быть позванным.

б. Борьба с духом блуда (Кн. 6)

46. Вторая у нас, по преданию отцов, борьба есть – с духом блуда, – борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, – брань лютая, которая начинает бороться с первого возраста зрелости, – и не престаёт прежде препобеждения прочих страстей. Поелику восстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоять ему надобно тоже с двояким оружием в руках. Не достаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшего духа; потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение, без которого ни над какую страстию никогда не может быть приобретена победа.

47. Преображение этой страсти условливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, исходит яд этой болести. *От сердца бо*, говорит Он, *исходят помышления злая... прелюбоддеяния, любоддеяния* и проч. (Мф. 15, 19). Итак прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходяща живота* (Притч. 4, 23); ибо плоть покорствует его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтоб обилием яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя своего – духа. Но если мы всю суть своего дела совместим в одном измождении тела, не постниествуя в то же время душою от прочих страстей и не занимая ее ни поучением в Божественном, ни другими духовными деланиями; то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты; потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак нам должно, по указанию Господа, *прежде очистить внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23, 26).

48. Прочие страсти обыкновенно очищаются, кроме прочего, и обращением с людьми и каждодневными с ними занятиями и делами, и некако врачуются самою неприятностью и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости, кроме сердечного поучения и бодренного внимания, врачуются и посещением братьев и частым вызыванием сих страстей. Так как они, будучи при сем раздражаемы, чаще

обнаруживаются, то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болезнь, при измождении тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтоб, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжжению ее, прийти скорее в состояние совершенного оздоровления. Как для больных какою-либо болезнью полезно бывает, чтоб вредные для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание: так и к прогнанию этой особенно болезни (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию и чрез то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения.

49. Иное дело быть воздержным, и иное – чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими признаются, например, в Новом Завете оба Иоанна (Предтеча и Евангелист), а в Ветхом – Илия, Иеремия, Даниил. На их степени стоящими не несправедливо почесть и тех, кои, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потерянного достигли до подобного им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной, и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства, – даже и не невозможно ли? – Что впрочем всякий пусть не чает узнать из нашего рассуждения, а сам пусть доищется до сего чрез испытание своей совести. – Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют то страхом геенны, то желанием Царства Небесного. Относительно них старцы полагают, что хотя они могут не быть совсем расстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя однако ж им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто находится в положении борющегося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление.

50. Если по сердцу нам с Апостолом законно подвизаться подвигом духовным (2 Тим. 2, 5); то не на свои силы (потому что человеческие усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшего духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ее сил, и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощью и заступлением Господа.

51. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (т. е. стяжание чистоты и преодоление похотной страсти), есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями свв. отцов и опытами очищения от сей страсти по свидетельству тех, кои сподобились стяжать его. Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом то же, что, пребывая в теле, выйти из плоти, облакаясь плотию, быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу, крыльях взлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные никакою добродетелию так близко не уподобляются Небесным Ангелам в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, чрез которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по Апостолу, *жительство на небесех* (Флп. 3, 20), и здесь, в брэнной плоти, обладают уже тем, что обещается святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти.

52. Слушай, что говорит Апостол: *всяк подвизаясь от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвизающегося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот для успеха в состязаниях не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и

нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лености, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить, и уменье приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою, как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотского, чтоб даже и во сне как-нибудь не обольститься срамными грезами и чрез то не умалить силы, приобретенной долгим временем и немалою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоём делании и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам Небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением чистыми блюсти самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести, в коей подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением, и что стыдимся обнаружить пред людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласием. Ибо хотя это и может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого Всемогущего Бога, от Которого не сокрыты никакие тайны.

53. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительного образа, или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение, хотя не вменяется в полную вину в грехе, однако ж служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не дочиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода нарушение.

54. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случилось сказанное нарушение, то в этом не сон должно почитать виновным, а нехранение внимания в предшествующее время, и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болезни, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только скрытую во внутренних фибрах души вывел на поверхность кожи во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возожгли, питаясь в продолжение всего дня не добрыми помыслами. Так и телесные болезни не в то время порождаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто, без осторожности питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки.

55. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болезни сей, когда говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, ужелюбодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотре. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вожделением, — благодаяние зренья, дарованное Творцом на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самую болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление чрез зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: *всяким хранением блюди свое сердце* (Притч. 4, 23).

56. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтоб, когда по тонкой подсаде диавольской злокозненности, прокрадется в ум наш воспоминание о каком-либо лице женского пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, — мы как можно скорее спешили изгнать его из наших мыслей; дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг наш оболститель от этих жен не перевел незаметно ума нашего и к таким, чрез которых мог бы всеять душевредные мысли. Почему стараясь исполнить заповедь: *всяцем хранением блюди свое сердце*, мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо *блюсти* ядоносную *главу* змия (Быт. 3), т. е. начатки злых помышлений, чрез которые диавол покушается вползти в нашу душу; чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, т. е. не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, всеконечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих *на земле нашей* *грешников*, т. е. плотские чувства, также должны мы *избивать во утробах* их рождения (Пс. 100, 8), и *разбивать о камень* сынов Вавилона, пока еще они младенцы (136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то выросши, по нашему потворству, они с большою силою восстанут на нас, и — или погубят нас, или, если будут побеждены, то конечно не без больших воздыханий и трудов. Ибо *когда крепкий* т. е. дух наш, *вооружився хранит дом свой*, т. е. охраняет покой сердца нашего Страхом Божиим, тогда *в мире суть имения его* (Лк. 11, 21), т. е. плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанные. *Когда же крепльший его нашед победит его*, т. е. диавол чрез согласие с внушенными от него помыслами, тогда *все оружие его возмет, на неже упова*, т. е. памятование Писаний, или Страх Божий, — *и корысть его раздаст* (Лк. 11, 22), т. е. навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками.

57. *Сия есть*, говорит св. Павел, *воля Божия — святость ваша* (1 Фес. 4, 3). И чтоб не оставить в нас сомнения или темного непонимания, что именно называет он святостию, — правду ли, или любовь, или смирение, или терпение, — ибо всеми сими добродетелями приобретается святость, — он далее прямо обозначает, что собственно хотел назвать святостию: *сия есть воля Божия святость ваша, хранить себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжевати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы неведущии Бога* (1 Фес. 4, 3–5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честию сосуда, т. е. тела нашего, и святынею. Следовательно, напротив, кто пребывает в страсти похотной, тот находится в состоянии бесчестия и нечистоты и живет чуждо святости. — Немного ниже св. Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостию: *не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отменяя* (презирая сие), *не человека отменяет, но Бога давшего Духа Своего Святого в нас* (там же — ст. 7, 8). Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, — что кто отменяет сие, т. е. то, что я сказал, тот не человека презирает, т. е. меня заповедающего сие, но Бога, во мне говорящего, Который и Духу Своему Святому назначил в обителище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он сию добродетель! Во первых, ей собственно приписывает святость, потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты; в третьих, что, извергши срамную нечистоту, сосуд сей будет пребывать в чести, как святыня; наконец, что есть самое высшее ее преимущество, чрез нее обитателем сердца нашего будет Дух Святой.

58. Приведу и другое подобное сему свидетельство того же Апостола. — Пиша к Евреям, он говорит: *мир имейте со всеми и святыню, еяже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностию и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога.

59. Чем выше и небеснее есть достоинство целомудрия, тем сильнее вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание

тела, но и сокрушение сердца с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтоб печь плоти нашей, которую царь Вавилонский непрестанно покушается поджечь поджошками плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши росой Духа Святого.

60. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить, что Бог есть ночной и дневной зритель и знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, – и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши.

61. Чтоб даже во время сна нечистые грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно зайдет и за должную меру послабления себе в сем. С изменением же меры подкрепления себя пищею неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. – Но при сем должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро западет в нас огонь гнева, то после легко проникнет к нам и жар похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу равно как и вниманию к себе силу и крепость противостоять всему нечистому днем.

62. Можно ли совсем погасить огонь похоти, коей жар как бы врожденным чувствует в себе плоть наша? – Поищем наперед, что полагает о сем блаженный Павел. *Умертвите*, говорит он, *уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Какие же это уды заповедует он умерщвлять? – Конечно, не руки и ноги или другие какие части отсекаль; а истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит он: *да упразднится тело греховное плоти* (Рим. 6, 6), – и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует Апостол умертвить. А какие это именно, он тут же и перечисляет. – Ибо сказав: *умертвите уды ваша, яже на земли*, продолжает: *блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение*. Первый член – *блуд*: это грех плотского незаконного совокупления; второй член – *нечистота*, которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна или и во время бодрствования; третий член – *страсть*, которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член – *похоть злая*, которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям, и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит Апостол *лихоимание*, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в Книге Деяний первое общество верующих (Деян. 4, 32, 35). Из всего сказанного делаю такое заключение: если многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекали, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжжение. Ибо Апостол не соединил бы невозможного дела с возможным. Но признавая то и другое возможным, заповедал равно то и другое умертвить. – И настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтоб даже и имя ее не было произносимо между нами, говоря: *блуд же и всякая нечистота и лихоимство ниже да именуется в вас, якоже подобает святым: и сквернословие, и бусловие, или кощуны, яже не подобная* (Еф. 5, 3, 4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, – так как Апостол повелел отсекаль их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно.

63. Впрочем, мы должны знать, что хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, и именно, – голод, жажду, бдение, постоянный труд, – и с неослабным усердием занима-

лись чтением душеспасительных книг; не можем однако ж сами, посредством этих подвигов, приобрести непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы терпеливо переносимою прискорбностью от них, приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественного дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телесного, которого так желает и ищет.

64. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо них не будут восприняты другие спасительные. Потому если желаем истребить плотские вожделения из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовные, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневными упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следующего стиха, который и все мы нередко повторяем, но силу которого ведают лишь немногие опытные: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл сего стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, т. е. святые действия, постоянно ограждает Им. Ибо Господь всегда присущ Святым Своим не по левую сторону, – потому что Святой муж не имеет ничего левого, т. е. худого, – но по правую. А для грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ.

65. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лествицу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые однако ж в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которые в каждый день нечувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. – *Первая* степень целомудрия есть, – если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; – *вторая*, – если ум не замедляет в сладострастных помыслах; *третья*, – если при виде женщины нимало не тревожится вожделением; *четвертая*, – если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского, *пятая*, – если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение; *шестая*, – если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах.

66. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимую и неколебимую чистоту тела и души, и есть ни что иное, как святость. Это бывает, когда *плоть*, перестав *похотствовать на духа*, начинает согласоваться с его желаниями и добродетелию, и когда они оба соединятся между собою твердым миром, и, по изречению Псалмопевца, как братья станут жить вкупе (Пс. 132, 1). – Тогда и Бог с ними бывает; ибо говорится, что *в мире место Его* (Пс. 75, 3), – т. е. не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда кто, чрез погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время сделается и жилищем Божиим.

в. Борьба с духом сребролюбия (Кн. 7)

67. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия, – со страстию чуждою и не свойственную нашей природе, и в монахе порождающеюся не от чего другого, как от мало-

душия слабо-энергичной души и не как следует настроенной, и большею частию от худо положенного начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочие движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и некако внедренные в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло, — и препобеждаются не иначе, как долгим трудом.

А эта болезнь (сребролюбие) позднее их привходит и совне навязывается душе; почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по беспечности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех губительна и труднее всех изгоняема: ибо соделовается корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей.

68. Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. — Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не можешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом будучи стеснен крайнею бедностию, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха. — Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целию приискивает какую-либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостию без ведома аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, — и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. — Так несчастная душа, связанная будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется в желании с непомерною заботою умножать не добре начатое собрание имущества, сама в себе порождая заразу, которая все жесточе и жесточе пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая-либо надежда на получение денег, — тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, — золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаж. Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: *и любостяжание* (умертвите), *еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

69. Есть три вида этого недуга, которые всеми отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность которого мы выше описали, – который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемого с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностью душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устранив их скудостью всего вперед и расслабив неверием: им потом, за удержание при себе денег и другого имущества, которые должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно достигнуть Евангельского совершенства. – И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имел получить от учителя своего как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисееву (4 Цар. 5, 21, 27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал в предательство Господа и потерял сан апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственной смертью (Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст апостольских наказываются смертью (Деян. 5, 1-11).

70. Об этих, которые отреклись от мира, но потом, быв побеждены неверием, боятся оставаться обнаженными от всякого земного имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: *кий человек страшлив и слаб сердцем (да не исходит на войну) да идет и возвратится в дом свой; да не устрашит сердца брата своего, яко сердце свое* (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Св. Писание, чтоб они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали на себя, чем и других своим словом и худым примером расслаблять неверным страхом своим и отклонять от Евангельского совершенства. Итак им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. Ибо *муж двоедушен не устроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8). И вникая в смысл той Евангельской притчи, – в коей говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другого, шедшего на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая, очевидно, и начинать сражения), приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя чрез то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, *благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавишюся тебе, не отдати* (Еккл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений, сражающихся за нас. Но *никтоже может... Богу работами и мамоне* (Мф. 6, 24), и: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62).

71. Такие обыкновенно позволительность для себя подобного прежнему любостяжания стараются оправдать авторитетом Св. Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с радостью готовы извратить и по своему желанию изменить мысль Апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, по Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: – написано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая сии слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на*

небеси: и гряди вслед Мене (Мф. 19, 21). Думают они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и другим; между тем как стыдятся воспринять со Апостолом славную нищету ради Христа и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудным содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопременно и никогда не отрекшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтоб, ничего не удерживая при себе из того, от чего отреклись, хвалиться со Апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (2 Кор. 11, 27).

72. Ходит изречение св. Василия, епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такую, о коей у нас речь, холодностью, – который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих и обучаться истинному смирению скудостью во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностью. – «И сенатора, сказал он ему, ты потерял, и монахом не сделался».

73. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердец наших и этого губительного врага, – которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным бесчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным хотя больно, по причине повержения долу, и сожалеательно, по причине потери победы; но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания силы противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохенькой, и род ратоборства не труден; тогда гораздо больнейшей боли повержения долу будет причинен унизительный стыд, и гораздо тяжелейший урона срам.

74. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто увлекшись хотя бы то маленьким денежным подарком, однажды воспринял в сердце свое корень любостязательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большего. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, недоступным нападению сей страсти, пока сей непотребнейший дух не посеет в сердце его начатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшие держать предосторожности, чтоб как-нибудь не проникла внутрь глава ея. Ибо если она будет впущена внутрь, то своею же материею питаюсь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души; и не столько избегать дел сребролюбия, сколько отсекасть с корнем страсть его: ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их.

75. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостязания, усладившись делом обнищания, а не самою добродетелию нищеты, и не без туги сердца помирившись с тяжелою необходимостью (так поступить). Ибо как иных телом не оскверненных Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тяжестию денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по сердцу и уму. Им недоставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром: ибо достойно сожаления – последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды сего терять по причине бесплодного грешного пожелания воли.

76. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какие разветвления других страстей пускает из себя эта страсть на пагубу того, кто ее воспримет, – если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму апостолов! Как она его, – не похотевшего стереть смертоносную главу сего змия, – сгубила ядом своим, – опутав сетями вождения своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, когда научила за тридцать сребренников продать Искупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, если б не был заражен болезнью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убийства Господа, если б прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец.

77. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая, как мы сказали, однажды плененной ею душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности, и никаким увлечением прибытка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным влагалища, с тем чтобы насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким напротив непомерным разгорелся возбуждением страсти, что не только окрадывал тайно влагалища, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство сей страсти не насыщается никакою громадностью богатства.

78. Посему-то св. апостол Петр, зная, что имеющему что-либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах любостяжание, и что конец сей страсти полагает не сумма малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, смертию наказал Анания и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имения. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь по-видимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтоб избавиться от бедности, воспохотствовал снова поиметь то, что было отверг; а эти, чтоб не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имения своего, которое должны были или апостолам все верно принести, или все раздать братиям. От того-то в том и другом случае и последовало одинаковое наказание смертию, что тот и другой грех произрос из одинакового корня сребролюбия. – Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний воспохотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вождения стяжевать, а только желание уберечь, исшел такой строгий приговор; то что сказать о тех, которые вожделевают собирать деньги, которых никогда не имели, и выказывая пред людьми нищету, пред Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания.

79. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душою, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира сего, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею-то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, оскверненная преступною страстию к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей, и имеет пред очами Господа нечистою с вечным проклятием.

80. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу, вняв слову Его: *иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имати сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтоб словом Того же Господа провозглашену быть не гошим для Царствия Небесного (Лк. 9, 62)? Поставленный на кровле, – высоте Евангельского совершенства, – для чего сходишь опять в дом свой, чтоб взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрено тобою (Лк. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирского стяжания, от которого ты обнажил себя при отречении от мира? – Если же ты тогда, бедностию предупрежденный, не имел что оставить; то

тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностию к отречению от мира), – для того, чтоб не воспящаемый никакими путами стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем, да не унижается никто из бедных за это (что не имеет что оставить); ибо никого нет, кто бы не имел, что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их.

81. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, *имея пищу и одежду, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8).

82. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отрещись от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. – Сверх же всего этого, помышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертного, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в ночи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием хотя бы и одного овола; ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное в Евангелии богачу гласом Господа будет обращено и к нам: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12, 20)?

И нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего без сомнения мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырского устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение.

г. Борьба с духом гнева (Кн. 8-я)

83. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, доколе мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла и остроты досточестного созерцания, ни обладать зрелостию совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; ибо сказано: *смятесе от ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как *ярость поживает в недре безумных* (Еккл. 7, 10); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что *гнев губит и разумных* (Притч. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, ибо *гнев мужа правды Божией не соделоват* (Иак. 1, 20); ни коим образом не можем обладать и важною почтенностию, так обычною даже и между людьми века сего, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостию совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо *острояростный без совета все творит* (Притч. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений, и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо беспокойств, так как *муж гневливый* (сам после) *воздвигает свар: муж же ярый открывает* (обнаруживает не стыдась) *грехи* (Притч. 29, 22).

84. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются умалить ее (непотребность) при помощи непотребнейшего толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братьев погрешающих, так как и Сам Бог воспламеняется гневом и яростию

против тех, которые или не хотят знать Его, или зная не чтут как должно, – как например: *и разгнеवासя яростию Господь на люди Своя* (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где пророк молится, говоря: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеша мене* (Пс. 6, 2). – И не разумеют они, что вместе с тем, как чрез это дают людям свободу действовать по сей страсти на пагубу себе, еще и Богу беспредельному, Источнику всякой чистоты, нечестиво приписывают нечистую плотскую страсть.

85. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении; то выйдет, что Бог спит и пробуждается, сидит и ходит, обращается к кому и отвергается от него, приближается и удаляется, – и члены телесные имеет – главу, очи, руки, ноги и под. – Как этого всего без крайнего святотатства нельзя буквально разуместь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неопишем, вездесущ: так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростию. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественные свойства и промыслительные о нас действия, которые мы удобнее можем понять под сими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение; руки и ноги – Его творчество и промышление, мышцы – силу и вседержительство и проч. Так и о гневе или ярости Божией когда читаем, должны разуместь то не человекообразно, но достойно Бога, чуждого всякого возмущения, – именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, не право делаемое в мире сем, и устрояясь при чтении такого рода изречений праведного наказания Божия, всячески остерегаться делать что-либо противное воле Его.

86. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигом духовным законно подвизаться желающий, чужд всякого движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: *всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас со всякою злобою* (Еф. 4, 31), – который, говоря: *всякий гнев да возмется от вас*, не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимого или полезного. Почему монах и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающего брата, пусть делает это так, чтоб, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадкою, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другого, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтоб не сказано было ему оное Евангельское слово: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23), – также: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоём, не чуеши? Или какоречеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего, и се бервно во оце твоём* (Мф. 7, 3, 4)!

87. От какой бы причины ни возгоралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца и, налагая покров на остроту умного зрения, не дает видеть Солнца правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другого какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов не делает разности в ослеплении. – Бывает, впрочем, от гнева и услуга нам очень пригодная, когда рассерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать или о чем даже говорить стыдимся пред людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и все проникающего, и о всевидящем Оке Божиим, от Которого никак не могут укрыться никакие тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева рассерживаемся, зачем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубные его внушения, не давая ему назло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и пророк, который столь решительно отрешал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. Так, когда Семей, бросая камни в царя Давида, в слух ему злословил его пред всеми, и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление царя, хотел отнять его голову, блаженный Давид, подвижшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколе-

бимою свою кротость и показал образец смирения и твердого терпения, говоря: *что мне и вам, сынове Саруины? Оставьте его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида: и кто речет: почто сотворил еси тако? Се сын мой, изшедший из чрева моего, ищет души моея, а кольми паче сын Иеминиев; оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая, вместо клятвы его в днешний день* (2 Цар. 16, 10–12).

88. Таким образом нам разрешается гневаться, но спасительно, т. е. на себя самих и на привходящие худые помыслы, — *гневаться* на них, и *не согрешать*, т. е. не приводить их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий стишок: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5), т. е. что помышляете вы в сердцах своих по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того как мирным рассуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стишка, после того как сказал: *гневайтесь и не согрешайте*, прибавил: *солнце да не зайдет во гнев ваш: ниже дадите место диаволу* (Еф. 4, 26, 27). Если пагубно допускать, чтоб Солнце Правды заходило во гнев наш, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: *гневайтесь и не согрешайте*? Не явно ли он выражает сим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтоб иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных гневом умах ваших заходить Солнце Правды — Христос, и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу.

89. В иносказательном смысле под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, ради того что освещает все помышления и стремления сердца нашего, — и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстию гнева; чтоб, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения с производителем его диаволом, и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место Апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не дозволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюясь попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: *всяк гневаясь на брата своего, повинен есть суду* (Мф. 5, 22). — Притом, если б позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца, страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде чем солнце познает запад свой.

90. Что же сказать о тех, коих неумолимости не полагает предела даже само заходящее солнце; но которые многие дни держат злобу на тех, против коих рассердились? Пусть они на словах иногда говорят что не гnevаются, но дела нередко явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостию. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмщения своему раздражению. Но они только не смеют или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им, и молча переживают его, и чрез то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней и кое-как со временем немного укрощают.

91. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только что может! Так и делают те, которые сдерживают гневные движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его однако ж чем могут. Ибо не имея возможности причинить тем, на коих рассердились, ничего более, как чтоб не говорить с ними с обычною ласковостию, этим и срываюи свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды, — чтоб, омрачившись его тьмою, не лишиться здравой рассудительности и света ведения и

не перестать быть храмом Духа Святого, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев, хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святого выживает все равно как и гнев обнаруженный.

92. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не позволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другого, а что другой имеет нечто на нас, говоря: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянешь, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и ишед прежде смирися с братом твоим и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24)? – Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говоря, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если, даже тогда как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, – нам, которым от Апостола заповедуется: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), и: *хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8)? – Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается – или никогда не молиться и таким образом быть виновными пред Апостольскою и Евангельскою заповедию, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, – или, – если как-нибудь обморочивая себя, дерзнем изливать молитву свою, несмотря на запрещение ее, – знать, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность, в духе бунта против Него.

93. Но что нам долее останавливаться на Евангельских и Апостольских заповедях, когда и Ветхий Закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от него, говоря: *да не возненавидиши брата твоего во уме твоём* (Лев. 19, 17), – и опять: *путь злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28), – и еще: *да не отмщает рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоих* (Лев. 19, 18)? – Видишь, что и там неблагорасположенность к братьям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем извергать из сердца ненависть и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней.

94. Иногда побежденные гордостью или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что не достаёт нам пустыни, в том, подразумевается, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя очевидно тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева) и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братьев. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в сем неисправности, то никогда не возможем прийти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти нимало не подлежащего, но соблюдай его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходиться в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяжеваемой не чужим терпением, а собственным великодушием.

95. К тому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении начисто всех страстей в обществе братьев, и вступать в нее не по малодушному бегству, а по желанию достигнуть высоты Божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какие страсти перенесем мы в пустыню не уврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И пустынь как для очищенных сердцем берегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных таин, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видаётся и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой-либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас возникают из него страсти, которые скрывались

и, как необузданные кони, откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как вообразалось, мы, живя в смешении с братьями, по-видимому обладали и которое проявляли по крайней мере из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне беспечности.

96. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, — и однако ж не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят: ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучшат они возможность вредить, тотчас износят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. — Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился, и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыне, рассерживался я иногда на песчаную трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, — иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал, — иногда на кремь, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь, или уж непременно на диавола: чем и испарялось смущение, — и душа успокаивалась. Таким образом в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах; ибо оставаясь в сердце нашем, она не дает нам ни достигнуть мирного устроения, ни освободиться от прочих страстей.

97. Почему, если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о коем говорится: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8); то не только из действий наших должны отторгнуть сию страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком-то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Которого не укрываются тайны сердечные, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует иссекать паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней конечно не будут уже более распложаться, — а душа получит таким образом возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтоб не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. *Ибо всяк гневаясь на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. 5, 22); и — *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Поелику он в сердце желает погибнуть тому, на кого серчает; то, хотя у людей не признается он пролившим кровь собственною рукою или мечом, по страсти же гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит чрез пророка: *Аз дела их и помышления вем, и гряду собрати вся народы...* (Ис. 66, 18). И Апостол: *между собою помыслом осуждающим или отвечающим в день, егда судит Бог тайная человеком* (Рим. 2, 15, 16).

98. Итак подвижнику Христову, законно подвижающемуся, надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершенного же уврачевания этой болезни потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным ни по неправедным причинам, — зная, что коль скоро источник наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благоразумия, и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что

если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего, и он никак уже не может быть храмом Духа Святого; наконец помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневе, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем преселиться из тела каждый день, и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками.

д. Борьба с духом печали – (Кн. 9-я)

99. В пятой брани предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали, – которая, если как-нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественного созерцания, и душу всю низвергши с высот святого благонастроения, расслабляет вконец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною сердечною живостию, ни чтению Священных книг, – сему духовному орудию и врачевству, – не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братьями быть не оставляет, – ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою и ропотливою, и отняв всякое здоровое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как бы обезумевшею и опьянелою, и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием.

100. Почему, если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо *якоже молие в ризе, и червие в древе: тако печаль мужу вредит сердце* (Притч. 25, 21), – как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, – и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святого, с Неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святого Давида в следующих словах: *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (132, 2), – ни для построения и украшения того духовного храма, которого основания положил Павел, премудрый архитектор, говоря: *вы есте храм Божий и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16), и на который какие идут деревья, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: *преклады дому нашего кедровыя, дски наши кипарисныя* (Песн. 1, 16). И вот такие-то роды деревьев избираются для храма Божия, и благовонные и негниющие, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни точению червей.

101. Иногда болезнь эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти, или гнева, или похотения, или любостяжания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения их делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших ввергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостию посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа по причине преисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечию.

102. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей; потому что мы сами в себе носим причины всех восскорбений, именно в семенах страстей, которые, как только оросит душу

нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждается ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своем материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно воспринял страсть срамного похотения (не зная ее прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ее красотой; но надо паче полагать, что если он при этом воцелел ее, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болезнь. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтоб свои очистить страсти и свои исправить чувства и расположения.

103. Есть еще и иной род печали – непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его чрез внушенное ею отчаяние к удушению.

104. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприимлем ее, быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: *печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовае: а сего мира печаль, смерть соделовае* (2 Кор. 7, 10).

105. Но та печаль, которая соделовае покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неутомимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в то же время некако бывает обрадоваема и оживляема надеждою преуспевания, и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же Апостол: *плод духовный есть: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). А эта, – мира сего печаль, – крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обьет, расстроивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования, и не только пресекает действие молитвы, но и опустошает все сказанные выше плоды духовные, которые обыкновенно доставляет та *печаль, яже по Бозе*.

106. Почему кроме той печали, которая восприимлетсся или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отриваема и совсем извергаема наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева.

107. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если, занимая непрестанно душу свою духовным поучением, будем оживлять и восставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей, и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумного расстройства душевного, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние: ибо при сем всегда обрадоваемы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных, ни возноситься в счастливых, смотря на те и другие как на ничтожные и скоро преходящие.

(К утолению духа печали читай еще 7-е отделение выписок из св. Кассиана, – о борьбе с бедствиями и скорбями).

е. Борьба с духом уныния (Кн. 10-я)

108. Шестая борьба предлежит нам со страстию, которую греки называют #κηδ#α, и которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками, и есть неприязненный враг пребывающих в уединении, и всякого монаха беспокоит, особенно около шестого часа, (по нашему 12 часа в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу со своими всерасстраивающими действиями. Некоторые старцы (Евагрий в I томе, стр. 631) называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 Псалме.

109. Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братьям, с ним живущим или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разливает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обителище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к чтению приступить не допускает, и заставляет вздыхать и жаловаться, что столько времени проживши здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно. Затем оно расхваливает ему отдаленные монастыри и места те описывает как более полезные к преуспеванию духовному и более могущие способствовать к спасению, и общение там с братьями рисует преприятным и исполненным духовного назидания; напротив, что тут у него, то представляет несносным, напоминая, что от братий, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще долее будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее не переселится отсюда в другое место. После сего часу в пятом и шестом оно в такое изнеможение приводит тело его и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным, или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братий, почасту выходит из келлии и входит в нее, и на солнце посматривает, будто оно не так скоро спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он не способным ни к какому духовному деланию и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого-либо брата или утешения себя сном. Тут начинается этот разорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимые поздравления братьям или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также, как долг какой, что надо бы найти здесь таких-то и таких-то родственников или родственниц и почаще ходить к ним с визитами, — что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную однако ж всякого пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, — и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспеяния сидеть в келье.

110. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время как врачевством, спустя немного обратится в руках врага в средство еще к большему его расстройению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только

завяжется борьба, и спасения себе чает не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он мало-помалу, отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосходящей чистоте, которая нигде не может быть достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрестанном Божественном поучении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейские дела и становится уже не угодным Воеводе (2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался.

111. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болезни в следующем стихе: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет в это время. Ибо душа, уязвленная стрелою этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами.

112. Итак истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болезнь должен стараться изгонять из тайников души своей, и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством, – чтоб ни от уязвления стрелою сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия.

113. Ибо кого начнет он преодолевать с какой-либо стороны, того или оставит пребывать в келье без всякого успеха, как ленивого и беспечного, – или выгнав оттуда, сделает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднотлюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока, встретив где-либо содружество в каком-либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности, ввяжется в их дела и нужды. Опутавшись же мало-помалу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтоб обратиться к брошенным делам прежнего звания.

114. Итак главное, что производит в нас дух уныния, есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодействие ему главное будет: – не уступай, сиди за делом. В сем отношении мы можем принять как врачебательный рецепт от уныния то, что св. Павел писал к Солунянам о труде: – *молю вы, братие... любезно прилежати, еже безмолвствовати, и деяти своя и делати своими руками* (1 Фес. 4, 10, 11). – Говорит: *любезно прилежати, еже безмолвствовати*, – т. е. пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтоб от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутреннего и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; *делати своя*, – т. е. увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать о поведении разных братий, – чтоб вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей, не навикнуть иждивать время свое на осуждение и оклеветание братий; *и делати своими руками*, т. е. сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсекает он самую возможность того, от чего пред сим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужие дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же Солунянам он к сему прибавляет: *повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякого брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фес. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающийся которого не должен быть терпим в обществе христианском. – Итак он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекает их, как члены, поврежденные растлевающею праздностью, чтоб болезнь ничегонеделания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здоровым

членам тела. И в этом уже было сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (там же ст. 7). *Мы, говорит, живя у вас, ни у кого не ели хлеба даром* (ст. 8), хотя *Господь проповедующим Евангелие повелел ясти от благовестия* (1 Кор. 9, 14). Когда таким образом и тот, кто проповедовал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело, даром не принимал пищи; то что скажем в оправдание своей лености мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не позволял себе есть не от труда рук своих? – Чтоб не показалось, впрочем, что его собственный пример – исключительный, и предлагается не как образец для подражания всем, Апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним, т. е. Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. – Чтоб не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, не имея намерения дать пример, обязывающий и нас к труду, он сказывает, что они имели власть не работать, и работали, *да себе образ дамы вам, во ежеуподобишися нам* (2 Фес. 3, 9), – чтоб, если словесное учение, часто влагаемое во уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, Апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет апостольской власти, говоря: *аще кто не хочет делати, ниже да яст* (10)! Это приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей сей заповеди, изрекаемый с седалища апостольского суда.

115. И в послании к Ефесеям Апостол об этом самом труде предписывал, говоря: *крадый ктому да не крадет, но паче да труждается, делая своими руками благое, да имать подаяти требующему* (Еф. 4, 28). – Также в Деяниях Апостольских находим, что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, – с очевидным намерением работать с ними вместе (Деян. 18, 1–3). – Потом, когда плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров Ефесской Церкви и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковью Божию, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки, – и что делал это он для того, чтоб показать, что так трудясь надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, – что *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 33–35). Так давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах, то он тогда украшен бывает двоякою добродетелию: отвержением всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, – и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого, – почитая Бога от своих праведных трудов и принося Ему жертву от плодов своей правды.

116. Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностию к труду измеряя состояние сердца и меру преуспевания в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братьев и странников, и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. – На сей предмет у древних отцов Египта составила еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов.

117. Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходявши к авве Павлу: – Нет, ты не освободил себя от него, сказал он мне, но паче показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани, если только не решишься ты в другие раза вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркие нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством. Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния, уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать, мужественно сопротивляясь ему.

ж. Борьба с духом тщеславия (Кн. 11-я)

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия, – разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностию, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостию, и повиновением, и смирением, и благодушием, – и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причинят внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

119. Итак желающему идти Царским путем с *оружиями правды десными и шуими* должно, по апостольскому учению, ровно проходить *славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 7, 8), и с крайнею осторожностью направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся направо или налево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим от премудрого Соломона увещание: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), т. е. не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и уклоняясь на шую стезю страстей, не ищи по Апостолу себе от них славы в срамоте твоей (Флп. 3, 19). – Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братьев; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болезни, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыне от всякого общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живущих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной – по причине долгого сидения за чтением,

иной – по причине длительности бдений. И всякого эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устроая преткновения в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению блаженного Давида: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4), – чтобы мы на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, спотыкались, и запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что тогда как остаемся мы не побежденными нападением противника, бываем побеждаемы высотой нашего над ним торжества.

121. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испутившею дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит, и чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

122. Прочие страсти, как мы сказали, успокоиваются под влиянием иной местности, также стихают и истощаются при удалении предмета греха или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нее, и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета; потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самого, на кого нападает. – Прочие страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ее суетности.

123. Наконец прочие страсти, как состоящие в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющие открыто, как в ясный день, легче побеждать и удобнее предостерегаться от них; а эта, протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается, как бы в темную ночь, и тем жесточе прельщает, что не ожидают и не опасаются ее нападения.

124. Читаем, что Езекия, царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен, и – кто одною молитвою мог испросить избавление 185 тысяч Ассирийского войска, тот побежден суетным славолубием, – кто, после определением Божиим назначенного предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том чрез возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе все потерял, и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, и такому гневу, что, когда смирившись стал умолять Бога со всем народом своим, то мог испросить только то, чтоб гнев тот не пришел во дни его (4 Цар. гл. 20; 2 Пар. гл. 32). Так гибельна и тяжко грешна страсть превозношения!

125. Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Св. Писания, когда после многих добродетелей и многих первохвальных дел и учреждений ко благу народа превознесся тщеславным высокоумием и *обиде Господа Бога своего* неугодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (2 Пар. гл. 26). Вот и другой пример тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе

не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жесточе поражаются по поводу преодоления их, и избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед.

126. Почему Апостол увещевает: *не бываем тщеславии* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *как можете вы веровать, когда славу друг от друга принимаете, а славы, которая от единого Бога, не ищите* (Ин. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозою говорит: *Бог разсыпает кости человекоугодников* (Пс. 52, 6).

127. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, т. е. что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотию, или красивы телом, или что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает, что если б остался он в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, — надывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел.

128. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такою святостию и строгостию исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить примером святости, а кроме того, многим доставил бы пользу и своим поведением и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пустыне или уединенничает в келлии, заставляя его мечтать в уме своем, будто он обходит дома разных лиц и монастыри и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такою суетностию, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостию таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частию бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братий, если б они в самом деле были пред глазами, будучи вся сладостно погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих.

129. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келлию одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Св. Писания или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в Церкви, предлагает поучение народу: это значило, что он духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение и, переменив должность, будто уж в сане диакона, начал возглашать: *оглашenniи изыдите*. Старец постучал в дверь. Брат, вышедши, встретил его с обычною почтительностию, и вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне, и не потерпел ли он от сего чего неприятного, — на деле же совестью угрызаемый за свои мечты и за то, что делал вследствие их. Старец ласково ответил: *я только что пришел, как ты возглашал: оглашenniи изыдите*.

130. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтоб мы, имея пред очами полное изображение, с какою силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе и чрез то удобнее избегать сетей и западней вражеских. Так и Египетские отцы поступают. Они не колеблясь все подобное износят на среду, и рассказами своими о других и о себе, — как бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, — раскрывают и обнажают пред юными монахами борения всех страстей, и такие, какие уже претерпевают сии юные, и такие, какие еще имеют претерпевать, чтоб, чрез такое изложение ими обольщения всех страстей, горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней, и видя их как в зеркале, уразумевали как причины борющихся их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать

против нападающих и как сражаться с ними. Как искуснейшие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями: так и эти истиннейшие врачи душ духовным своим наставлением, как бы неким противоядием (антидотом) наперед убивая болезни сердец, какие имели бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительные против них средства.

131. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разнovidного зверя. И во-первых, мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовую выбежать непотребностию, если, содержа в мысли оное Давидское изречение: *Господь разсыпает кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), ничего не будем позволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу. Потом сделанное с добрым начинанием надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же – добрым блюдением, чтоб после того не прокралась болезнь тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в поведении братий не принято в общий обычай и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять, как дело хвастливое, и того, что может сделать нас заметными среди других, и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза тщеславия: чего однако ж мы могли бы избежать, если б содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какие подымаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понести вечные муки; так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него, и чрез то людей предпочли Богу, и славу мира – славе Божией, – как обличит нас тогда ведущий сокровенное Бог.

3. Борьба с духом гордости (Кн. 12-я)

132. Восьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей.

133. Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное возношение как пред Богом, так и пред людьми, однако ж тот первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей. Начало сей последней и средства против нее мы исследуем, если Бог даст, в последних главах сей книги, а теперь о той первой, которою искушаются, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть не много порассудить.

134. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целию, и хотя тревожит и другие добродетели, однако же против одной главным образом направляется, ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так – чревоугодие, т. е. страсть к многоядению или сладкоядению портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что

иногда преданный одной какой-либо страсти не совсем бывает чужд других добродетелей, но по сгублению той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против нее противоположной ей страсти, прочие может хотя отчасти удерживать: а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокие некогда стены святости сравнив и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться. Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.

135. Желает ли точнее узнать меру силы этого жесточайшего тирана, приведем себе на память, как такой ангел, которого за чрезмерность его блеска и красоты называли люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в преисподнюю. Итак, если такую Бесплотную Силу, украшенную столь значительными преимуществами, одно возношение сердца могло низринуть с Неба на землю, то с какою бдительностию надобно остерегаться сего нам, облеченным брэнною плотию, это показывает великость того разрушительного падения. – А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстию, сему можем научиться, проследив начало и причины сказанного падения. Ибо нельзя врачевать какую-либо немочь или определять лекарства против каких-либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут исследованы их начала и причины. – Этот (Архангел) одетый Божественною светлостью, сияя паче других высших сил по щедродательности Создателя, возмнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами, а не по великодаровитости Божией. И вознесшись по сей причине, почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды подобно Богу, – как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в добродетелях и для непрерывности верховного блаженства. Это одно помышление сделалось для него первою причиною пагубного падения. За нее будучи оставлен Богом, в Котором почел себя не имеющим нужды, и тотчас сделавшись от того неустойчивым и влающим, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику *возлюбил он глаголы потопные*, в коих величаясь говорил: *взыду на небо* (Ис. 14, 13), *и язык льстив*, коим, себя обманывая, говорил: *и буду подобен Вышнему*, как потом обманул Адама и Еву, внушая им: *будите яко бози*: то вот ему приговор: *сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего. Узрят праведнии, и убоятся, и о нем возмзуются, и рекут: се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возмже суетою своею* (Пс. 51, 6–9). Последние слова (се человек) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покрова и помощи.

136. Вот причина первого падения и начало главной страсти, – которая потом чрез того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, произрастила все множество страстей. И он, – первозданный, – поверив, что одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благодати Создателя.

137. Так примерами и свидетельствами Св. Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, несмотря на то, что в порядке духовных браней есть самая последняя, по началу однако ж есть самая первая, и есть источник всех грехов и преступлений. Она, не как прочие страсти, не одну только противоположную себе добродетель губит, т. е. смире-

ние, но есть губительница и всех вместе добродетелей, и искушает не каких-нибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает о сем духе пророк: *пищи его избранныя* (Авв. 1, 16). Посему и блаженный Давид, хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: *Господи, не вознесся сердце мое, ниже вознесостся очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене* (Пс. 130, 1), – и еще: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7); однако ж зная, как трудно даже и для совершенных уберечься от всякого движения сей страсти, не полагался в сем на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою сего врага, говоря: *да не приидет мне нога гордыни* (Пс. 35, 12), (т. е. не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), – боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6), – и еще: *не чист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5).

138. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей сил, но для сего воздвигается Сам Бог! Заметить надобно, что Апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют противящимся им Бога, т. е. не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым, или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или по-видимому пускаются на соучастников их, т. е. других людей; а эта собственно направляется против Бога, и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе.

139. Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с Апостолом: *не аз, но благодать Божия яже со мною*, – и: *благодатию Божиею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10), – и: *Бог есть действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), – как говорит и Сам Совершитель нашего спасения: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), – и припевает Псаломник: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). И ничья из хотящих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотию мог без особенного покрова Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет.

Ибо всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Отца Светов (Иак. 1, 17). Что бо имаши, егже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь (1 Кор. 4, 7).

140. Я говорю это не с тем, чтоб, унижая человеческие усилия, хотел отклонить кого-либо от заботливого и напряженного труда. Напротив, я решительно утверждаю, – не моим мнением, но старцев, – что совершенство без них никак не может быть получено, и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящимся в поте лица, или, говоря словами Апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и потому, что в 88-м Псалме поется от лица Божия: *положих помощь на сильного, вознесох избранного от людей* (ст. 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкующим отвергается и ищущими обретается; но прошение, искание и толкание сами по себе не довательны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отверзет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай, привнесением своей доброй воли: ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаж. Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным прошением

просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: *и дела рук наших исправи на нас, и дела рук наших исправи* (Пс. 89, 17), – и опять: *укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас* (Пс. 67, 29).

141. Итак надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтоб, надымаясь гордостью, не делать всего этого напрасным. Мы должны веровать, что не только самого совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, т. е. подвиги и разные духовные делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией.

142. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностью свободного произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневным Своим о нас промыслением, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать плотские страсти, покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удостоивая особенного присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. – Наконец самое свободное произволение наше, более склонное к страстям, направляет к лучшему душеполезному действию и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него.

143. Вот в чем собственно состоит смирение пред Богом, вот в чем – вера древнейших отцов, пребывающая даже доселе не запятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство апостольские силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными.

144. Иоас царь Иудейский сначала был похвальной жизни; но потом, возгордившись, предан был бесчестным и нечистым страстям, или по Апостолу: *в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 26, 28). Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи унижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так оскверненным, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостного превозношения, и чтоб, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти.

145. Итак очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братьями, изъявляет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет.

146. Доселе, сколько позволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которою, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен и не многими испытывается, потому что не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтоб дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другие страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя чрез него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем нас, которые еще опутаны плотскими страстями, он вовсе не удостоивает искушать таким образом, но запиная грубою и, так сказать, плотскою надменностию. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души

юных или новоначальных иноков, необходимым почитаю немного потолковать по нашему обещанию.

147. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если, после не добре и без должной ревности положенного начала отречения от мира, останется в душе монаха, то не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истинного смирения Христова, сначала делает его непокорливым и упрямым; потом не дает ему быть кротким и обходительным, равно как вести себя в уровень со всеми братьями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтоб он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякого земного стяжания; и между тем как отречение от мира ни что иное есть, как показание умертвия всему и креста, и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтоб сознавать себя не только всем делам мира сего духовно умершим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, – она напротив наущает ему чаять долговечной жизни, представляет впереди разные продолжительные болезни, колеблет стыдом и смущением, если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников, и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужие средства, напоминая в подтверждение сего следующее изречение: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35), – которое в каком смысле сказано, никогда не могут уразуметь эти одебелевшие и охладевшие сердцем.

148. Инок, так недобре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простого смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностью рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого-либо старца. Кем овладеет гордость, тот унижительным для себя считает соблюдать какая-либо правила подчинения или послушания, даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно, когда обличаемый совестью примет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае сердце его еще более ожесточается и возгорается гневом. После чего бывает у него громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая говорливость. Таким образом бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но напротив оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху.

149. Слышал я, что один из юных иноков, когда авва укорял его, зачем он, оставя смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольскою гордостью, с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным? – При этом столь необузданном и преступном ответе старец так ошеломлен от изумления, что речь его порвалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни выпускал из сердца воздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: *Иже во образе Божии сый... смирил Себе послушлив быв не на время* (как говорит этот одержимый диавольским духом надмения), *но даже до смерти* (Флп. 2, 6, 8).

150. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ее бывает крикливость, в молчании – досадливость, при веселости громкий, разливающийся смех, в печали – бессмысленная пасмурность, при ответании колкость, в речи легкость, слова как попало вырывающиеся без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна – в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ее собственное желание и воля, на увещания непреклонна, к отречению от своих волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усилива-

ется поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что сделавшись не способною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев.

151. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгого общежительного благочиния и, – полагая, что, если он мало подвигается на пути к совершенству, – то это потому, что его замедляет в этом сообщение с братьями, и что, если он мало успевает в стяжании терпения и смирения, то это по вине других, по препонам с их стороны, – принимает желание жить в уединенной келлии или даже предпринимлет устроить особый монастырь, в видах привлечения многих к строгой жизни, и спешит собрать должествующих последовать его учению и наставлению, делаясь таким образом из непотребного ученика непотребнейшим учителем.

152. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самого верха и было угодно Богу, то постараемся положить основание ему не по самоугодливой воле нашей, а по точному Евангельскому учению, по коему таким основанием может быть не что другое, как страх Божий и смирение, порождаемое кротостию и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении, ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть жилищем Св. Духа, как возглашает о сем Господь чрез пророка: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

153. Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшего зверя, как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но что если возымеет он скольнибудь добродетели, и та погибнет от его яда. Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для сего надлежит нам, во-первых, пред братьями нашими с искренним расположением изъяслять истинное смирение, ничем не позволяя себе опечалить их или оскорбить, – чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякого стяжания; во-вторых, надлежит в простоте сердца и без всякого притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтоб кроме заповеди аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас; что никем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира сего, но и почитает неразумным и глупым, и без всякого размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священно и от Самого Бога возвещается.

154. Когда будем мы держаться в таком настроении, тогда за этим без всякого сомнения последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все, нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно, оскорбительно или даже вредно, – так как бы то налагаемо было на нас от наших начальственных отцов (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно будем содержать в памяти и чувстве страдания Господа нашего и всех святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемые, будут казаться нам на столько легче, на сколь далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что скоро переселимся и мы из сего мира и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и

для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и пред Богом: что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренно верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар.

6. Борьба с помыслами и чрез них со злыми духами, сопровождающая всякие другие борьбы и переживающая их все

155. *Вопрос.* Никакого не видим успеха в установлении внимания, при всем старании. Ума никак не удержишь от блужданий. Даже и тогда, как чувствуешь, что сердце сочувственно устремляется к определенному созерцанию, ум, нечувствительно оттуда спустившись, с безмерною быстротою впадает в обычные свои скитания. Так несчетное число раз каждый день отводится он в плен своими парениями туда и сюда. Потому берет даже отчаяние достигнуть когда-либо желаемого исправления сей немочи, и думается, что напряжение внимания на сие дело есть напрасный труд, когда видишь, что душа, несмотря на то, все же каждую минуту быстрыми полетами пускается блуждать. Привлечешь ее страхом Божиим к духовному созерцанию, но она, прежде чем установится в нем, опять мгновенно исчезает из вида. И тогда как упредив ее намерение бежать, схватишь ее в самом начале и опять повлечешь к созерцанию, от которого стала отступать, намереваясь, как бы какими узами связать ее папрыженнейшим вниманием сердца, — она во время этого самого труда над нею успевает ускользнуть из внутреннего святилища быстрее, чем угорь из рук рыболова. Трудясь таким образом каждый день со всем усердием над хранением мыслей и не видя никакого в том успеха, невольно приходишь к заключению, что такие блуждания мыслей не от нас, а верно такова уж природа наша (Соб. 7, 3).

156. Так скоро делать заключения, не исследовав дела как должно, небезопасно. По своему бессилию или неумению успеть в чем-либо полагать, что такой успех и ни для кого не возможен, несправедливо. Это похоже на то, как если бы кто, не умея плавать и искусственно держаться на воде, заключил, что, как его тело по тяжести своей не может держаться на воде, тела же у всех такие же, как и его тело, то и ничье тело не может держаться на воде и никто, следовательно, не может плавать, — такова уж природа тел, что плавать нельзя. Как бы ни казалось ему правым такое заключение, но опыт его не оправдывает. Таково и ваше суждение. Ум наш по природе своей не может оставаться праздным; почему неизбежно ему, если не имеет в себе наперед предусмотрительно заготовленных предметов, над которыми упражнял бы он свои движения и которыми бы постоянно занимался, — по своей подвижности убегать туда и сюда и повсюду летать, пока долговременным упражнением и постоянным навыком, — что вы называете напрасным трудом, — из опыта узнает, какие надлежит ему заготовить в своей памяти материалы, чтоб около них вращаться в своих неутомимых полетах, и чрез неотступное пребывание в сем труде стяжать силу отражать противоположные им внушения врага, которыми развлекаем был прежде, и таким образом непоколебимо пребывать в том состоянии (невозмутимости и внутреннего покоя), которого желает. Итак не следует нам непостоянство беспорядочного блуждания помыслов приписывать человеческой природе или Богу — Творцу ее. Ибо истинно слово Писания, что *Бог сотворил человека правым, а сии* (люди) *взыскали помыслов многих* (Еккл. 7, 30). Следовательно, качество помыслов от нас зависит. И Псалмопевец говорит: *блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе: восхождения в сердце своем положи* (Пс. 83, 6). Видите, что в нашей состоит власти полагать в сердцах своих или восхождения, т. е. до Бога достигающие помышления, или низхождения, т. е. помыслы, ниспадающие долу, к вещам земным и плотским. Если бы помыслы не в нашей состояли власти, то Господь не упрекнул бы фарисеев: *вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих* (Мф. 9, 4)? И чрез пророков не повелевал бы: *удалите худые*

помыслы ваши от очей Моих (Ис. 1, 16), – и: *доколе будут медлить в тебе порочные мысли твои* (Иер. 4, 14). (Соб. 7, 4).

157. То правда, что многие суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведения обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но и с великим трудом узреваем их; но принимать их или отвергать возможно всякому, кто при помощи Божией употребит на то свое старание и усилие. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или приятие их состоит в нашей воле. Впрочем и в самом приращении помыслов не все надобно приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются всеять их: но от нас зависит исправить качество помыслов и сделать, чтоб в сердцах наших возникали духовные-святые помыслы вместо плотских-земных, если не всегда, то наибольшею частию. Когда кто разумно и тщательно поучается в Св. Писании, упражняется в псалмах и пении, пребывает в посте и бдении, непрестанно помнит о будущем, – о Царстве Небесном, о геенне огненной, – и обо всех делах Божиих; тогда худые помыслы уменьшаются и появляются реже. Когда же кто, напротив, занимается мирскими заботами и плотскими делами и вдается в суетные и праздные беседы, тогда худые помыслы умножаются в нас (Соб. 1, 16–17).

158. Деятельность ума нашего хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он никак не может перестать вертеться, движим будучи водою; но во власти приставника состоит, пшеницу ли молотить, или жито, или куколь растирать. Так и ум наш в течении настоящей жизни будучи непрестанно приводим в движение устремляющимися на него отовсюду потоками впечатлений, не может быть праздным от волнения помыслов; но какие из них принимать или усвоить себе, это зависит от нашей воли и усмотрения. Если мы, как сказано, постоянно будем заниматься поучением в Св. Писании, память наполнять духовными предметами, питать желание совершенства и надежду на получение будущего блаженства; то от этого будут возникать духовные помыслы и ум наш держать в непрестанном помышлении о тех предметах, в которые мы углублялись. Если же по беспечности и нерадению будем заниматься предметами страстей и праздными беседами или вдаваться в мирские попечения и суетные заботы; то по роду их будут потом рождаться и помыслы, как плевелы, и давать сердцу нашему работу зловредную, по изречению Господа Спасителя: *где будет сокровище дел ваших и вашего внимания, там необходимо пребудет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). (Соб. 1, 18).

159. Ведать подобает, что есть три начала наших помыслов: от Бога, от диавола и от нас. От Бога, – когда Он удостоивает нас посетить просвещением Св. Духа, возбуждая в нас или рвение к высшему преуспеянию, или сокрушение о малоуспешности и поблажках лени и беспечности; или когда открывает нам небесные тайны, и намерения наши обращает к лучшим делам. Так Господь внушил Артаксерксу спросить памятные книги; и он, узнав по ним о благодеяниях Мардохея, тотчас отменил прежнее свое жестокое определение об избииении народа Иудейского (Есф. 6 гл.). Так и Апостолам обетовано: *не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголай в вас* (Мф. 10, 20). – От диавола происходят помыслы, когда он покушается преткнуть нас, возбуждая чрез них страстное услаждение, или с лукавейшею хитростию представляет зло под видом добра, *преобразуясь пред нами в ангела света* (2 Кор. 11, 14). Так он *вложил в сердце Иуде Искариотскому предать Господа* (Ин. 13, 2), – и Анании, – *солгать Духу Святому* (Деян. 5, 3). – От нас самих рождаются помыслы, когда естественно воспоминаем, что видели, слышали или делали (Соб. 1, 19).

160. Эту троякую причину помыслов надлежит нам всегда иметь во внимании, чтоб по ним не обсуждать возникающие в сердце нашем помыслы и соответственно тому относиться к ним. В сем отношении нам надобно подражать искусным монетчикам (менялам), – которые умеют верно узнавать, – золото ли, и чистое ли золото в монете, или медь, похожая блеском на золото, – царское ли на ней изображение, и если царское, законно ли оно представлено, –

имеет ли также монета и законный вес. Все подобное духовно должны мы делать относительно помыслов. Во-первых, обсудить, – истинно ли то, что вошло в сердца наши, или нет. Например, если предложено какое-либо учение, надобно рассмотреть, очищено ли оно Божественным огнем Святого Духа, или принадлежит к Иудейскому суеверию, или исходит от надменной философии мирской и носит только личину благочестия. Поступив так, мы исполним апостольское наставление: *не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть* (1 Ин. 4, 1); и будем безопасны от уклонения от истины. А которые не заботились исполнять это предостережение, те подвергались бедственному отпадению от веры. Сладкоречивые обольстители сначала привлекли их к себе некоторыми благочестивыми чувствами и умствованиями, согласными с св. Верою, как бы блестками золота; а потом научили и противным вере мудрованиям, которых они, обманувшись первою благовидностью, не подумали подвергнуть обсуждению, и, приняв таким образом медную ложную монету за золотую, впали в еретические заблуждения. – Во-вторых, надобно нам заботливо выяснять, не слышится ли нами ложное толкование Св. Писания, которое, подделываясь под чистое золото верного понимания Божественных словес, покусается видимостию сего драгоценного металла обмануть нас – принять его с смесью меди ложно придаваемого им смысла. Так сатана покушался искусить Самого Христа Спасителя. Так и всех нас искушает он, уже не безуспешно, как Господа нашего. – В-третьих, – всячески надобно всматриваться, как бы враг, извращая драгоценные изречения Св. Писания лукавым толкованием, не успел склонить нас сделать им неправоe приложение и употребление, обманно прикрывая сие преданием, будто бы от старцев исходящим, как бы незаконно прилагая царскую печать к фальшивой монете. Это успевает он сделать, когда прельщает к неумеренному и непосильному нам труду, к чрезмерным бдениям, беспорядочным молитвам, к несообразному чтению, и, маня добром, приводит к душевредному концу; или когда советует делать ненужные посещения, чтоб, изгнав из уединища, лишить блаженного безмолвия; или когда внушает взять на себя попечение о благочестивых беспомощных женщинах, чтоб опутать гибельными заботами; или когда подстрекает желать священного чина под предлогом назидания многих, отвлекая чрез то от смиренного нашего звания. Все такие внушения, прикрытые покровом милосердия, благочестия и высшего преуспевания, вводят в обман неопытных. С виду они похожи на монеты истинного царя; но они отчеканены не настоящими монетчиками духовными, – не православными опытными отцами, а коварством бесов искованы на вред и пагубу. К ним совершенно приложимо изречение Приточника: *суть путие мянущиися прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25). – Последнее (4-е) наблюдение опытного монетчика, относящееся к исследованию веса тяжести, в духовном нашем делании будет исполняемо нами, если когда помысл внушает нам что-либо сделать, мы, положив то на весы совести, со всею строгостию будем исследовать, имеет ли оно настоящий вес, – тяжело ли страхом Божиим, все ли в нем есть – по его смыслу и значению, не делает ли его легким показность и новизна, не уменьшило бы потом его веса тщеславие и не расхитила бы людская слава. Взвесив все это и определив свидетельствами апостолов и пророков, мы должны потом или принимать то, как согласное с ними, или со всею строгостию отвергать, как им противное и для нас пагубное (Соб. 1, 20, 21).

161. Так непрестанно должно нам осматривать все тайники нашего сердца и с зоркою наблюдательностию замечать следы входящих, чтоб не прокрался туда же и какой-либо мысленный зверь, или сам лев и дракон, и, тайком напечатлев там пагубные следы свои, не проложил и другим пути для входа в изгибы сердца нашего, при нашем невнимании к помыслам. Возделывая таким образом ежечасно и ежеминутно землю сердца нашего Евангельским оралом т. е. непрестанным памятованием о Кресте Господа, мы удобно возможем разорить логовища пагубных зверей и норы ядовитых змей, – и выгнать их из себя (Соб. 1, 22).

162. Образ совершенного ума (властвующего над своими помыслами) прекрасно представляется в лице евангельского сотника. В сказании о нем нравственная сила, – дающая возможность не всякими приходящими помышлениями увлекаться, но по своему рассуждению добрые принимать, а противные тому без всякого затруднения прогонять, – описана в следующих словах его, если их понимать иносказательно: *ибо и я человек подвластный, но имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет, и другому – приходи, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает* (Мф. 8, 9). Если б и мы мужественно сражаясь против беспорядочных внутренних движений и страстей, взяли силу подчинять их своей власти и своему рассуждению, воюющие в нашей плоти похоти погашать, беспорядочную толпу помыслов наших держать под игом власти разума и спасительным знаменем Креста Господня прогонять от пределов сердца нашего скопища злейших вражеских сил, то за такие торжества и победы были бы мы возведены в чин сотника в духовном его значении. А таким образом и мы, поднявшись на высоту такого достоинства, будем иметь такую же, как и тот, повелительную власть и силу, при коей не будем уже, какими не хотим, помыслами увлекаемы, но в тех, которыми духовно услаждаемся, получим возможность пребывать и к ним прилепляться, властно повелевая злым наущениям: отойдите, – и отойдут, а добрые помышления приглашая: придите, и придут, рабе же нашей – плоти – что потребно для целомудрия и воздержания, прикажем, и она без всякого прекословия исполнит то, не возбуждая уже противных духу вожелений порочных, но всякую ему изъявляя покорность (Соб. 7, 5).

163. Но как сего достигнуть? Это придет само собою, когда так преискренне соединимся с Богом, что Он будет действовать в нас. В этом удостоверяет Апостол, когда говорит: *оружия воинства нашего не плотская, не сильна Богом, на разорение твердем, помышления низлагающе* (2 Кор. 10, 4). Что бы мы ни предпринимали с целью преодоления помыслов, не будет действенно, пока не станет чрез то действовать Сам Бог по соединении с нами. Тогда же и наши немощные средства станут сильны и всепобедительны, – разорят твердины вражеские и всякие помышления поразят и изгонят. И исполнится в нас слово пророческое: *немощный да глаголет: яко могу аз* (силен я), *и кроткий да будет храбр* (Иоил. 3, 10, 11), – и то, что говорит о себе св. Павел: *егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Ибо тогда *сила Божия* будет совершаться *в нашей немощи* (9). Итак всем желанием сердца да устремимся к соединению с Господом, пока и в нас совершится, что испытал блаж. Давид: *прильпне душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9), – и каждый из нас вместе с ним начнет петь: *мене же прилеплятися Богу благо есть* (Пс. 72, 28). Конечно это требует постоянного усилия и труда; но без этого ни в каком деле успеха не бывает. Тем же паче нельзя его ожидать в таком важном деле. Никакая добродетель не достигает совершенства без труда, – и до умирения помыслов никому нельзя достигнуть без крайнего преутруждения сердечного. Сюда прямо относится слово Господа: *Царствие Божие с усилием возьмется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Чтобы духу нашему *прийти в мужа совершенна, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13), – и стать *един дух с Господом* (1 Кор. 6, 17), необходимо ему с большим напряжением всегда бодрствовать и с непрерывным рвением потеть над этим. Достигши же сего он может уже с Апостолом торжественно вызывать: *всямогу о Укрепляющеммя* (Флп. 4, 13). (Перифраз из Соб. 7, гл. 5, 6).

164. Почему все внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, – чтоб живо возвращать к памятованию о Боге помыслы от их блуждания и круговращения. Как тот, кто хочет верно возвести и вверх свести свод купола, шнуром из центра постоянно обводит кругом постройку и таким образом дает одинаковое всюду направление округлению ее; кто же без этого посредства покусится совершить такое дело, тот, хотя бы обладал большим искусством, не может соблюсти непогрешительно правильность округлости и одним взглядом не может определить, на сколько отступил от нее, не прибегая к сказанному указателю правильности: так и дух наш, если, утвердив в себе любительную память Божию, как некий

неподвижный центр, не будет потом, из нее исходя и с нею обходя в каждый момент все свои дела и труды, ею как пробой определять качество помыслов и начинаний, чтоб одни принимать, а другие отвергать, и ею же, как верным циркулем, давать направление всему делаемому; то никак не построит, как следует, того духовного здания, коего архитектор есть Павел (1 Кор. 3, 10), и не сообщит ему красоты того дома, какой, желая устроить Господу в сердце своем, блаженный Давид взывал: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоя* (Пс. 25, 8), но несмысленно возведет в сердце своем дом некрасивый, Духа Святого недостойный и всегда готовый разрушиться, долженствуя не славу за то получить от чаемого, но не удостоившего зайти в такое жилище посетителя (т. е. Духа Святого), а плачевно быть подавленным под развалинами своего построения (Соб. 24, 6).

165. Чрез помыслы преимущественно действуют на нас темные силы, и конечно нам легче было бы управляться с ними, если б нас непрестанно и не в малом количестве не окружали эти недоброжелательные нам враги, – но этого нечего ужасаться. Враги сии точно постоянно наветуют нам, но они только посевают и возбуждают злое в нас, а не принуждают к нему. Если б им дана была власть не внушать только худое, но и насильственно влечь к нему, то какое бы ни захотели они возжечь в сердцах наших греховное желание, ни один человек не смог бы избежать греха по нему. Но видим, что как им дано позволение подстрекать нас, так и нам дарованы и сила отрывать такие подстрекания, и свобода соглашаться на них. Чего же бояться? – Впрочем, если кто боится их насилия и нападков, тому мы, с противной стороны, предлагаем Божий покров и Божию помощь, которая могущественнее тех, как говорится: *болий есть Иже в вас, нежели иже в мире* (1 Ин. 4, 4), – Коего заступление с несравненно большею силою поборае по нас, нежели с какою восстает против нас вражеская сторона. Ибо Бог не только внушает добрые дела, но и покровительствует им и до конца доводит их; так что иногда без нашей воли и нашего ведома привлекает нас ко спасению. Итак решено, – что никто не может быть прельщен диаволом, кроме того, кто сам восхощет дать ему своей воли согласие. Что Екклесиаст ясно выразил такими словами: *яко несть пререкания бывающаго творящим лукавое вскоре: сего ради уверися сердце сынов человеческих в них, еже сотворити лукавое* (Еккл. 8, 11). Очевидно посему, что всякий согрешает потому, что когда нападают на него худые помыслы, он не дает им тотчас отпора противоречием. Ибо сказано: *противьтесъ диаволу, и бежит от вас* (Иак. 4, 7). (Соб. 7, 8).

166. У иного может родиться недоумение, как эти злые духи входят в общение с душою, – нечувствительно разговаривают с нею, всевают в нее, что ни захотят, видят ее помышления и движения и пользуются ими к ее вреду. – Но в этом нет ничего дивного. Дух может входить в общение с духом и сокровенно влиять на него, внушая, что ему желательно. Ибо между ними, как и между людьми, есть некое подобие и сродство по природе. Но чтоб они взаимно друг в друга входили и друг другом овладевали, это совершенно невозможно. Это может быть истиннейше приписываемо только Божеству (Соб. 7, 9-10).

167. Сказанному пред сим нисколько не противоречит то, что бывает с бесноватыми, когда они, одержимые духами нечистыми, говорят и делают, чего не хотят, и вынуждены бывают произносить слова, которых не понимают. Известно, что не все одинаковым образом подвергаются при этом влиянию духов. Некоторые так бывают ими овладеваемы, что нисколько не сознают, что делают или говорят, а другие сознают и после вспоминают. То и другое бывает от привтечения нечистого духа, – не так однако ж, чтоб он проникал самую субстанцию души, и, как бы слившись с нею и ею некако облекшись, произносил слова и речи устами страждущего. Никак этого делать они не могут. Это бывает так, что дух нечистый, заседая в тех членах, чрез которые душа действует, и налагая на них невыносимую тяготу, страшным омрачением закрывает разумительные чувства души и пресекает их деятельность (чрез такое подавление органов сей деятельности). Что, как видим, иногда приключается и от вина, также от лихорадки, от чрезмерного холода и других болезней, привхо-

дящих совне. Чтоб и блаженному Иову не замыслил это же причинить диавол, получивший власть над его плотию, Господь особым повелением запретил ему это, говоря: *вот я предаю его в твои руки, только душу его сбереги* (Иов. 2, 6), т. е. только не делай его безумным, расстроив седалище души, сделав нашествие на его рассудок и повредив орган разума, посредством которого ему (Иову) необходимо противиться тебе (Соб. 7, 12).

168. Впрочем, хотя дух таким образом некако срастворяется с этим грубым и твердым веществом, т. е. с плотию, – что может быть очень удобно; из этого однако ж не следует, что он и с душою, которая есть также дух, может соединяться так, чтоб и ее, подобно телу, делать вместилищем своего существа. Это возможно для единой Троицы, Которая всякое разумное существо не объемлет только, но и проникает. Один Бог весь есть везде и во всем, так что видит и все помышления наши, и все движения внутренние, и все сокровенности душевные. *Нет твари сокровенной от Него; но все обнажено и открыто пред очами Его* (Евр. 4, 13), – *И Он праведно испытует сердца и утробы* (Пс. 7, 10). (Соб. 7, 13).

169. Но как же духи нечистые знают наши мысли? – Они не прямо их в душе читают, а познают из обнаружения их во внешних чувственных признаках, т. е. из наших слов и действий. Но они никак не могут проникнуть в те мысли, которые еще не вышли из внутрь души. Даже и то, приняты ли, и как приняты внушаемые ими самыми мысли, узнают они не из самой души и не по внутреннейшим, в ней вследствие того сокровенно происходящим движениям, а по обнаружениям того вовне души. Так, например, если, всеяв помысл чревоугодия, видят, что монах стал посматривать в окно и на солнце, или осведомляться, который час, то узнают из того, что им воспринято чревоугодливое похотение. И не удивительно, что воздушные силы так узнают сие и подобное сему, когда видим, что и людям умным тоже удастся по глазам, лицу и другим внешним признакам узнавать состояние внутреннего человека. Тем конечно вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения гораздо тоньше и проницательнее людей (Соб. 7, 15).

170. Знать надлежит, что не все демоны все страсти возжигают в людях, но о каждой страсти прилежат известные духи; ибо одни из них услаждаются нечистыми и срамными похотьми, иные любят богохульство, иные гнев и ярость, иные утешаются печалию, иные – тщеславием и гордостью, – и каждый ту страсть в сердца человеческие всевает, какую сам особенно услаждается; но не все вместе возбуждают свои страсти, а попеременно, смотря по тому, как требует время, место и приемлемость искушаемого (Соб. 7, 17).

171. И то ведать должно, что не все они в одинаковой мере злы и одинаково сильны. На новоначальных и немощных нападать пускаются слабейшие духи, а когда эти побеждены будут, тогда посылаются сильнейшие, – и таким образом постепенно все более и более сильную брань должен бывает выдерживать воин Христов по мере собственного его преуспевания и умножения духовных его сил. И никто из святых никак не мог бы выдержать злость таких и стольких врагов, или устоять против их наветов и свирепой ярости, если бы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший Заступник и Подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набеги врагов, и *не творил со искушением и избытия, яко возможи нам понести* (1 Кор. 10, 13), (Соб. 7, 20).

172. Что бесы не имеют власти вредить всякому человеку, это яснейшим образом доказывает пример блаженного Иова, которого враг не смел искушать больше, нежели сколько попущено ему было волею Божиею, – свидетельствует об этом также и исповедание злых духов, внесенное в Евангельские сказания: *если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8, 31). Тем более надобно верить, что они не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданного по образу Божию, когда без дозволения Божия не имели они власти войти даже в нечистых и бессловесных животных. Да если б дана им была власть искушать и озлоблять всякого человека по своему произволу, то никто, не говоря, из юных

иноков, но и из мужей совершенных не мог бы ужиться в пустыне, будучи окружен таким полчищем и таких злых врагов (Соб. 7, 22).

173. Известно также, что нечистые духи не иначе проникают в тела одержимых ими, как завладев наперед их умами и помышлениями. Обнажив их наперед от страха Божия, Божией памяти и духовного поучения, они потом смело нападают на них как на обезоруженных и лишенных Божией помощи и Божия ограждения и потому удобно побеждаемых, и наконец устрояют себе в них жилище, как в предоставленном им владении. – Впрочем и то верно, что тягчае этих и чрезмернее бывают ими мучимы те, которые, не будучи одержимы ими телесно, пагубнейше бывают обладаемы ими в душе, – и именно те, которые опутались их страстями и похотями; ибо, по слову Апостола, *кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Петр. 2, 19), (Соб. 7, 24, 25).

174. Священное Писание свидетельствует, что при каждом из нас неотлучно присущи два Ангела, – добрый и злой. О добрых Спаситель говорит: *блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небесного* (Мф. 18, 10), – и блаж. Давид: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся его и избавит их* (Пс. 33, 8); свидетельствует о них и то, что в книге Деяний говорится о Петре: *Ангел его есть* (12, 15). Об обоих Ангелах пространно говорится в книге: Пастырь. – Если рассудим и о том, кто испрашивал себе доступа к блаж. Иову, то ясно уразумеем, что это был тот, кто всегда ему наветовал, но никогда не мог склонить его к греху, почему и просил у Господа власти над ним, – исповедуя, что дотоле был побеждаем не добродетелию его, а заступлением Господа, всегда ограждавшего его Своим покровом. И об Иуде говорится также: *и диавол да станет одесную его* (Пс. 108, 6). (Соб. 8, 17).

7. Борьба со всякого рода скорбями от бед и напастей (Соб. 6-е)

175. В Палестине, в пустынях между Иерусалимом и Мертвым морем, внезапно напали на иноков варвары, – и очень многих избили. Как Бог попустил совершиться над Своими рабами такому злодейству? – Этот вопрос обыкновенно возмущает души тех, которые, имея мало веры и ведения, думают, что добродетели и подвиги святых вознаграждаются в краткое продолжение сей жизни – временной. Мы же, которые не *в животе сем точию уповающе есмы во Христа*, чтоб по Апостолу, *не быть окаяннейшими всех человек* (1 Кор. 15, 19), не должны быть вводимы в заблуждение такими мнениями; чтоб, по неведению верного определения истины относительно таких событий, приходя в ужас и смятение от искушений, которым и себя увидим преданными, не подвигнуться нам ногами своими с пути правды (Пс. 72, 2), – или, что и сказать страшно, не приписать Богу неправосудия и непопечения о делах человеческих, за то, что якобы Он людей святых и праведно живущих не избавляет от искушения, и добрым – добром, а злым – злом не воздает в настоящей жизни, – и за то не заслужить осуждения с теми, которым угрожает пророк Софония от лица Господа, говоря: *отмишу на глаголюция в сердцах своих: не имать блага сотворити Господь, ниже имать озлобити* (Соф. 1, 12), или не подвергнуться одинаковой участи с теми, которые такими жалобами изрекают хулу на Бога: *всяк творяй зло, добр пред Господем, и в них сам благоволи; и где есть Бог правды* (Мал. 2, 17)? Присовокупляя к сему и то богохуление, которое у пророка описывается после того: *суетен работаяй Богу, и что более, яко сохранихом хранения Его, и яко ходихом молитвенницы пред лицем Господа Вседержителя? И ныне мы блуждем чуждых, и созидаются вси творящии беззаконная: сопротивившася Богу и спасошася* (Мал. 3, 14, 15). – Посему, чтоб нам избежать неведения, которое есть корень и причина этого непотребнейшего заблуждения, надобно нам наперед определительно узнать, что есть

воистину добро, и что зло. Содержа же потом не ложное о сем мнение толпы, а истинное определение Писаний, мы никак уже не прельстимся заблуждением людей неверующих.

176. Все сущее и бывающее в мире, трояко есть, именно, – добро, зло и среднее. Итак нам надо узнать, что собственно есть добро, что зло, и что среднее, чтоб наша вера, будучи ограждена верным ведением, во всех искушениях пребыла непоколебимою. В делах человеческих ничего не должно почитать существенным добром, кроме одной душевной добродетели, которая, искреннею верою приводя нас к Богу, понуждает непрестанно прилепляться к сему неизменному добру. И напротив, ничего не должно почитать злом, кроме одного греха, который, отделяя нас от благого Бога, связывает с злым диаволом. Среднее есть то, что может быть относимо к той или другой стороне, судя по качеству и расположению пользующегося тем, как то: богатство, власть, почесть, телесная сила, здоровье, красота, самая жизнь или смерть, бедность, немощность плоти, напраслины и прочее сему подобное, что по качеству и расположению пользующегося тем может служить или к добру или ко злу. Ибо и богатство часто может служить к добру, по Апостолу, который *богатым в нынешнем веке заповедует богатиться в добрых делах, благоподатливым быти, общительным сокровиществуя себе основание добро в будущее, да примут вечную жизнь* (1 Тим. 6, 17–19): но опять оно же обращается во зло, когда собирают его, чтоб только копить и зарывать в землю, как делают скупые, или расточать на роскошь и утехы, а не в пользу нуждающихся. Также, что власть и почесть, телесная сила и здоровье суть средние, и для той и для другой стороны пригожие, тем уже легко доказывается, что многие из святых в Ветхом Завете, обладая всем этим, и Богу были очень благоугодны, как напротив те, которые худо пользовались сими благами, обращая их на служение своим наклонностям недобрым, не несправедливо были или наказываемы или предаваемы смерти, как часто сказывают о сем книги Царств. Так и о прочих средних вещах разумей, что они не суть настоящее добро, которое состоит в одних добродетелях, а суть нечто среднее; потому что как для праведных, на праведные и нужные дела их употребляющих, они полезны и благотворны, – яко дающие им возможность плоды добры сокровиществовать для Вечной жизни, – так для тех, которые худо ими пользуются, не полезны и пагубны, доводят их только до греха и смерти.

177. Твердо содержа в мысли такое различие вещей и дел и зная, что нет настоящего добра, кроме одной добродетели, происходящей из страха Божия и любви к Богу, и что нет настоящего зла, кроме одного греха и отделения от Бога, расследуем теперь со всем вниманием, было ли когда-нибудь, чтоб Бог или Сам Собою или чрез другого кого причинил кому-либо из святых Своих такое зло? Этого ты без сомнения нигде не найдешь. Ибо никогда не бывало, чтоб другой мог ввергнуть кого-либо в грех, когда он не хочет этого зла и противится ему; и если случалось, что ввергал, то одного того, кто сам в себе зачинал сей грех, по нетрезвости сердца и развращенной воле. Так, когда диавол хотел ввергнуть в это зло – в грех – праведного Иова, то, употребив против него все козни злобы своей, – лишив его всего богатства, поразив смертью детей и самого его с головы до ног покрыв ранами, причинявшими нестерпимую боль, – никак не мог запятнать его грехом; потому что *во всех сих приключившихся* Иов пребыл непоколебим и *не даде безумия Богу* (Иов. 1, 22), – не склонился на богохуление.

178. Но как же и Сам Бог о Себе говорит: *Аз есмь... творяй мир и зиждяй злая* (Ис. 45, 7), – и пророк о Нем свидетельствует: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори* (Ам. 3, 6)? – Св. Писание словом зло иногда означает прискорбные случайности не потому, чтоб они в существе своем были зло, но потому что чувствуются как зло теми, которым на пользу посылаются. Ибо Слово Божие, говоря с людьми, по необходимости говорит человеческими словами и с человеческими чувствами. Так сечение и прижигание спасительное, которые врач благодетельно делает страждущим опасными вередями, почитаются злом от тех, кому приходится выдерживать их; также коню шпоры и погрешающему исправление –

не сладость; и все дисциплинарные строгости тем, кои проходят курс образования, кажутся горькими, как говорит Апостол: *всякое наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздаст правды*, – и еще: *егоже любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет. Который бо есть сын, егоже не наказует отец* (Евр. 12, 6, 7, 11)? – Таким образом слово зло полагается иногда в значении прискорбных случайностей, как в след. изречении: *и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори* (Иона 3, 10). И еще: *яко милостив Ты еси, Господи, щедр, долготерпелив и многомилостив и кайся о злобах человеческих* (Иона 4, 2), т. е. о прискорбных лишениях и бедствиях, которые вынужден бывает наводить на нас за грехи наши. Об них другой пророк, зная, как они полезны для некоторых, не из враждебного к ним чувства, но по желанию им спасения, так молится: *приложи им зла Господи, приложи зла славным земли* (Ис. 26, 15). И Сам Господь говорит: *се Аз наведу на тя злая* (Иер. 11, 11), т. е. скорби и разорения, которыми будучи в настоящее время спасительно наказан, вынужден будешь наконец обратиться и поспешить ко Мне, Которого в дни счастья своего забывал. Почему мы не можем признать их существенным злом, когда они многим служат во благо и ведут их к восприятию вечных радостей. Итак, – возвратимся к предложенному вопросу, – все считающееся обычно злом, причиняемое нам врагами или другим каким образом нас поражающее, не должно быть почитаемо нами злом, но нечим средним. И тогда оно не будет уже таково, каким почитает его нанесший его в яростном духе, а таково, каким восчувствует его претерпевающий его. Почему, когда святому мужу будет причинена смерть, не должно думать, что ему причинено зло, а нечто среднее; потому что, тогда как для грешника она есть зло, для праведника бывает успокоением и освобождением от зол. *Смерть бо мужу праведному покой, егоже путь сокровен есть* (Иов. 3, 23). Муж праведный от такой смерти не претерпевает никакого ущерба, – так как ничего нового – небывалого не случилось с ним, – но что имело случиться с ним по естественной необходимости, то принял он по злобе врага не без пользы для Вечной жизни, и долг смерти человеческой, который надлежало ему отдать по неизбежному закону настоящего нашего существования, уплатил с богатым плодом страдания в залог великого за него воздаяния.

179. Это однако же не обезвиняет злодеев. Нечестивый беззаконник не останется без наказания оттого, что злодеянием своим не мог причинить существенного вреда праведнику. Ибо терпение – добродетель праведника, и не нанесшему смерть или страдания, а терпеливо перенесшему их заслуживает награду. Почему как тот заслуженно понесет наказание за зверскую жестокость, так этот несмотря на то не потерпел никакого существенного зла; потому что мужеством духа своего терпеливо перенесши искушения и страдания, он все, нанесенное ему со злым намерением, обратил себе во благо, в преумножение блаженства своего в будущей жизни.

180. Так терпение Иова не диаволу, сделавшему его более славным своими искушениями, стяжало доброе воздаяние, а ему самому, мужественно их перенесшему; и Иуде не даровано будет освобождение от вечных мук ради того, что предательство его послужило ко спасению рода человеческого. Ибо не на последствие дела надо смотреть, а на расположение делающего. Почему нам должно неизменным сохранять твердое убеждение в том, что никому от другого не может быть нанесено зло, если только кто сам не привлечет его к себе слабостию своего сердца и малодушием, когда и блаженный Апостол в одном стихе такое же утверждает положение: *вемы, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28). Ибо говоря: *вся поспешествуют во благое*, он обнял этим все вместе, не только такое, что считается счастьем, но и такое, что почитается несчастьем; как в другом месте о себе говорит тот же Апостол, что он прошел чрез то и другое: *оружии правды десными и шуими*, – т. е. славою и безчестием, гаждением и благохвалением: *яко лестцы и истинни: яко скорбяще присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще*, – и проч. (2 Кор. 6, 7-10). Итак

все, — как то, что почитается счастьем и что Апостол относит к десной стороне, означая то словами: *слава и благоваление*, так и то, что почитается несчастьем и что выразил он словами: *безчестие и гаждение*, относя то к левой стороне, — соделовается у мужа совершенного *оружием правды*: если он нанесенное ему (прискорбное) великодушно переносит, сражаясь этим самым, т. е. как оружием пользуясь тем самым, чем на него нападают, и им, как луком, мечом и крепчайшим щитом будучи вооружен против тех, кои ему то наносят, в совершенстве проявляет свое терпение и мужество, восхищая славнейшее торжество своей непоколебимости теми самыми вражескими стрелами, которые поражают его насмерть; и если таким образом ни счастьем не возносясь, ни в несчастьи не падая духом, но шествуя прямою дорогою и царским путем, не будет он с такого мирного устройства сердца ни нахождения радости сдвигаем как бы на десно, ни опять нападением несчастья и приливом печали сталкиваем как бы на шуе. — *Мир мног любящим закон Твой, Господи, и несть им соблазна*, свидетельствует св. Давид (Пс. 118, 165); о тех же, которые при каждом находящих случайностях изменяются, соответственно их свойствам и различиям, так говорится: *безумный, яко луна, изменяется* (Сир. 27, 11). Также, о совершенных и премудрых говорится: *любящим Бога вся поспешествуют во благое*; а о слабых и неразумных возглашается: *вся противна суть мужеви безумну* (Притч. 14, 7), потому что он ни счастьем не пользуется во благо себе, ни несчастьем не исправляется. Такая же нравственная сила требуется для того, чтоб мужественно переносить прискорбности, какая для того, чтоб сохранять должную меру в радостях; и то несомненно, что кого выбивает из своей колеи одна из сих случайностей, тот не силен ни против какой из них. Впрочем, счастье более вредит человеку, чем несчастье. Ибо последнее иногда против воли сдерживает и смиряет, и приводя в спасительное сокрушение, или менее грешить располагает, или понуждает совсем исправиться; а первое, надмевая душу пагубными хотя приятными лестями, в страшном разорении повергает в прах тех, кои по причине успехов счастья считают себя безопасными.

181. Такие совершенные мужи в Священном Писании иносказательно называются *обоедесноручными*, каким был, как в книге Судей пишется, Аод, который обеими руками пользовался как десными (3, 15). Духовно таким совершенством и мы можем обладать, если и счастье, почитаемое *десным*, и несчастье, называемое *шуим*, добрым и правым употреблением будем обращать к правой стороне, чтоб все, что бы ни случилось с нами, было для нас, по Апостолу, *оружием правды*. Во внутреннем нашем человеке мы усматриваем две стороны и, так сказать, две руки. И ни один из святых не может не иметь как той, которую мы называем правою, так и той, какую мы называем *шуею*; но совершенство его добродетели познается из того, что он ту и другую обращает в десницу, добре пользуясь ими. Чтоб яснее можно было уразуметь, о чем у нас речь, говорю: имеет муж святой десную, когда являет духовные успехи, — когда, горя духом, господствует над всеми своими пожеланиями и похотениями, когда будучи свободен от всякого диавольского нападения, без всякого труда и неудобства отрывает и отсекает плотские страсти, когда вознесшись от земли горе, на все настоящее и земное смотрит, как на неустойчивый дым и тень пустую, и презирует то, как имеющее тотчас прейти, когда в восхищении ума не только пламенно желает будущего, но и яснейше видит его, когда действеннейше питается духовными созерцаниями, когда ясно усматривает, как в отверстую для него дверь, небесные таинства, когда чисто и пламенно воссылает молитвы к Господу, когда разгоревшись огнем духа, всем устремлением души так преселяется к невидимому и вечному, что думает, — что он уже не находится во плоти; имеет он также и шуую, — когда объемлется бурями искушений, когда к плотским вожделениям воспламеняется приливами похотных возбуждений, когда к неистовому гневу поджигается огнем раздражительных смущений, когда самовозношением подстрекается к гордости или тщеславию, когда угнетается *печалию*, *смерть содевающею* (2 Кор. 7, 10), когда расстроивается вконец нападками злокозненного уныния, и когда, по уходе всего духовного жара,

цепенеет от охлаждения и некоей безотчетной тоски, так что не только добрые, внутренний жар возгревающие помышления отходят от него, но и псалом, и молитва, и чтение, и келейное уединение вместе с тем становятся для него ужасно скучными, и все орудия добродетелей встречаются с нестерпимым некоторым отвращением и нехотением, — чем всем когда поражаем бывает монах, да ведает, что его теснит шуяя сторона.

Итак, кто ни по поводу того, что, как мы сказали, принадлежит к десной стороне, не будет надмен привходящим тщеславию, ни против того, что принадлежит шуей части, мужественно ратоборствуя, не впадет в отчаяние; тот тою и другою рукою будет пользоваться, как правою, и в том и другом действовании оказавшись победителем, получит пальму победы, как с шуяго, так и с десного своего состояния. Таковую пальму, как читаем, заслужил блаженный Иов, который за действие десного венчался венцом, когда, будучи богатым и знатным отцом семи сынов, каждодневно приносил Господу жертвы за очищение их, желая сделать их не столько себе, сколько Богу благоугодными и родственными, когда дверь его была отверста для всякого приходящего, когда был он ногою хромых и оком слепых, когда овчинами с овец его были согреваемы рамена немощных, когда был он отцом сирот и мужем вдовиц, когда даже в сердце своем не радовался о гибели врага своего. Тот же опять Иов, действуя шуею, с неподражаемо высоким мужеством торжествовал над бедствиями, когда, в одно мгновение лишившись семи сынов, не как отец убивался жестоким горем, но как раб Божий упокоивался в воле Творца своего, когда из богатого сделавшись беднейшим, из избыточного нагим, из здорового прокаженным, из знатного и славного уничиженным и презренным, сохранил мужество духа неповрежденным, когда наконец, лишившись всего своего достояния и всех имуществ, сделался обитателем гноища, и как бы некий тела своего истязатель жесточайший, чрепицею оскребал сочившийся гной и погружал персты в глубь ран, покрывавших все части тела его, извлекал оттуда червей. При всем этом он ни в малейшее не впал похуление Бога и ни в чем не пороптал на Творца своего; даже что? — нимало не утрасась такого бремени наичувствительнейших искушений, он самую одежду, покрывавшую тело его, которая одна могла быть сохранена от диавольского расхищения, потому что была на нем, разодрав и отбросив от себя, приложил еще и произвольную наготу к той, которою поразил его этот лютейший грабитель. Также и волосы главы своей, которые одни оставались еще неприкосновенными из прежних знаков славы, обрезав, бросил своему терзателю и, отсекая таким образом то, что оставил ему свирепствующий враг, таким небесным гласом изъявил радость о торжестве своем над ним: *аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим? наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо: Господь даде, Господь отъят, яко Господеву изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно* (Иов. 2, 10; 1, 21). — Обоедесноручным по праву назову я и Иосифа, который в счастии был любезен отцу, почтителен к братьям, благоугоден Богу, — в злосчастии целомудр, верен господину своему, в заключении темничном наикротчайш, об обидах не памятозлюбив, врагам благотворителен, к завистливым и почти убийцам своим, братьям, не только нежно благорасположен, но и богато щедродателен. Сии и сим подобные праведно называются обоедесноручными; так как они тою и другою рукою пользуются, как десницею и, проходя сквозь исчисленные Апостолом искушения, подобно Ему могут говорить: *оружии правды, десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением* и проч. — Будем и мы обоедесноручны, когда и нас не будут изменять ни обилие, ни скудость временных благ, и ни то не будет увлекать к удовольствиям пагубной распушенности, ни это ввергать в отчаяние и ропотливость, но когда в том и другом случае равно воздавая благодарение Богу, равный извлекать будем плод и из счастья, и из несчастья; когда будем такими, каким был истинный обоедесноручник, учитель языков, засвидетельствовавший о себе: *аз навыхох, в нихже есмь, доволен быти. Вем и смирятися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыхох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися. Вся могу о укрепляющем мя* (Флп. 4, 11–13).

182. Искушение, как мы сказали, бывает двоякое, – т. е. чрез счастье и несчастье; причина же, по коей искушаются люди, тройка: по большей части это бывает для испытания, иногда для исправления, а нередко и для наказания за грехи.

Так для испытания, как читаем, перенесли, подобно Иову, бесчисленные скорби блаженный Авраам и многие святые; для него же и народ Иудейский подвергается был искушениям в пустыне, как во Второзаконии говорится Моисеем: *и да помянешь весь путь, имже проведе тебе Господь Бог твой, сие čtyредесятое лето в пустыни, да искусит тя, и озлобит тя, и уразумеются, яже в сердце твоём, аще сохраниши заповеди Его, или ни* (Втор. 8, 2), – и как наминается о сем же в Псалме: *искусих тя на воде пререкания* (Пс. 80, 8). А что Иов для этого именно подвергся всему, что перенес, о сем прямо свидетельствует Сам Бог, говоря: *мниши ли Мя инако тебе сотворивша, разве да явишиися прав* (Иов. 40, 3)?

Для исправления же это бывает, когда Господь, смиряя Своих праведных за малые какие-нибудь и легкие грехи, или за превозношение своею праведностию, предаёт их разным искушениям, чтоб в настоящее время очистив их от всякой скверны помыслов и выжегши всякую, какую видит укрывшуюся во внутреннем их, нечистоту (Ис. 1, 25), представить будущему испытанию подобными золоту чистому, не позволяя остаться в них ничему, что, после сего испытан огнем суда, нашел бы необходимым очистить наказательным жжением. В этом смысле сказано: *мнози скорби праведным* (Пс. 33, 20); также: *сыне, не пренемай наказанием Господним, ниже ослабевай от Него обличаем. Егоже бо любит Господь наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретаеся вам Бог: который бо есть сын, егоже не наказует Отец? Аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчици есте, а не сынове* (Евр. 12, 5–9); и в Апокалипсисе: *Аз ихже аще люблю, обличаю и наказую* (Откр. 3, 19). К таковым под образом Иерусалима от лица Божия пророком Иеремию еще такая обращается речь: *сотворю скончание во всех языцех* (покончу их), *в няже разсях тя: тебе же не сотворю в скончание, но накажу тя в суде* (Иер. 30, 11). О каковом спасительном исправлении молит св. Давид, говоря: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2).

Также и пророк Иеремия, разумея спасительность такого искушения, взывает: *накажи нас, Господи, обаче в суде, а не в ярости* (10, 24). Равно и Исаия: *благословлю тя Господи, яко разгневался еси на мя, и отвратил еси ярость Твою, и помиловал мя еси* (12, 1).

Посылаются удары искушений и по грехам. Так Господь угрожает послать такие удары народу Израильскому, говоря: *зубы зверей пошлю на тя, с яростию пресмыкающихся по земли* (Втор. 32, 24); и в Псалмах о них говорится: *мнози раны грешному* (31, 10); также и в Евангелии: *се здрав был еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14).

Есть еще и четвертая причина, по которой иным посылаются некоторые страдания, как знаем из Писания, – именно, – да явятся чрез то слава и дела Божии. Так в Евангелии говорится о слепорожденном: *ни сей согрешил, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем* (Ин. 9, 3), – и о болезни Лазаря: *сия болезнь не к смерти, но о славе Божией, да прославится Сын Божий ея ради* (Ин. 11, 4).

Есть и другие роды отмщений Божиих, которыми поражаются некоторые, превзошедшие самую высшую степень зла, и на которые были осуждены, как читаем, Дафан, Авирон и Корей, и наипаче те, о которых говорит Апостол: *сего ради предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 26, 28), – что надобно почитать более всех других наказаний тяжким. Об них-то говорит Псалмопевец *в трудах человеческих не суть, и с человеки не примут мук* (Пс. 72, 5); ибо не заслуживают быть спасенными посещением Господним и получить уврачевание посредством временных наказаний, как *в нечаяние вложившиеся и предавшие себя студодаянию в делание всякия нечистоты* (Еф. 4, 19), – и по причине ожесточения сердца своего от долговременного пребывания в непрестанном грешении превы-

шающие все меры очищения и отмщения в весьма короткий срок жизни в веке сем. Таковых Божеское Слово укоряет и чрез пророка Амоса: *разорих вы, яко разори Бог Содому и Гоморру; и бысте, яко главния исторжсена из огня, и ниже тако обратистесь ко Мне, глаголет Господь* (Ам. 4, 11), и чрез пророка Иеремию: *убих, погубих людей Моих, и не обратишися от стезь своих* (Иер. 15, 7), – и в другом месте: *бил еси их и не поболеша, сокрушил еси их, и не восхотеша прияти наказания; ожесточиха лица свои, паче камене, и не хотеша обратится* (5, 3). Так наконец Господь, как искуснейший Врач, истощив все спасительные врачевства и видя, что не остается уже ни одного спасительного средства, которое можно было бы приложить к ранам их, некоторым образом как бы препобеждается великостию неправд их и вынужден быв отступить от милостивого Своего их наказания, возглашает им, говоря: *отъимется рвение Мое от тебе и почую, и ктому не попекуся* (Иез. 16, 42). О других же, которых сердце не ожесточилось еще частостию грешения, которые не заслужили еще такого жесточайшего и истребительного казнения, но способны принять вразумительное наказание во спасение, говорится: *накажу я в слух оскорбления их* (вразумлю, дав услышать об угрожающей их скорби) (Ос. 7, 12).

183. Как приобрести и сохранить терпение и благодушие? – Истинного терпения и благодушия ни приобрести ни сохранить нельзя без сердечного смирения. Когда терпение будет исходить из этого источника, тогда для избежания скорби от неприятностей не нужно будет ни запираяться в келлии, ни укрываться в пустыне. Утверждаясь в глубине души на добродетели смирения, своей родительницы и охранительницы, оно не имеет уже нужды во внешних пособиях. Почему, если по причине какой-либо напраслины мы растревоживаемся, то явно, что в нас не прочно утверждены основы смирения, и здание наше внутреннее при набеге даже маленькой бурьки подвергается разрушительному потрясению. Не тогда терпение похвально и достойно удивления, когда внутреннее спокойствие хранится, не будучи потрясено никакими стрелами врагов; но тогда величественно оно и славно, когда пребывает непоколебимым во время устремления на него бури искушений. И оно чем, по-видимому, сокрушается и потрясается, тем более укрепляется; и тем более изощряется, что по-видимому притупляет его. Ибо никому не неведомо, что терпение получило свое имя от перенесения прискорбностей, и потому никто не может быть провозглашаем терпеливым, кроме того, кто все, причиняемое ему, переносит без тревоги. И за это именно не незаслуженно так похвывается он Соломоном: *лучше муж долготерпелив, паче крепкаго, удерживаяй же гнев, паче вземлющаго град* (Притч. 16, 32). Еще: *долготерпелив муж мног в разуме, малодушный же крепко безумен* (Притч. 14, 29). Итак, когда кто, потерпев напраслину, возгорается огнем гнева, то нанесенное ему оскорбление должно почитать не причиною такого греха его, но лишь поводом к обнаружению сокрытой в нем болезни (гневной), по смыслу притчи Спасителя о двух домах, – одном, построенном на камне, и другом, построенном на песке, на которые оба с одинаковою силою напали устремления вод и бури ветреные, с неодинаковыми однако ж последствиями; ибо при сем тот дом, который построен на твердом камне, никакого совсем вреда не потерпел от такого сильного напора, а который был построен на подвижном песке, тотчас разрушился, – и разрушился очевидно не потому, что подвергся удару волн, наводнением на него устремленных, но потому что был по неразумию построен на песке. Так и святой человек не тем разнится от грешника, что не столь же сильным, как он, искушением искушается, но тем, что он не бывает побеждаем и великими искушениями, а тот падает и под малыми. И не было бы, как мы сказали, похвально мужество какого-либо праведника, если б он являлся победителем, не будучи искушаем: да и места не могла бы иметь победа, если б не было вражеского нападения. Ибо *блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв, примет венец жизни, егоже обещает Бог любящим Его* (Иак. 1, 12). И по апостолу Павлу *сила Божия* не в покое и утехе, а *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Ибо так говорил Господь Иеремии: *се положих тя днесь аки град тверд, и в*

столп железный, и аки стену медяну, крепку, всем царем Иудиным, и князем его, и священником его, и людям земли, и ратовати будут на тя, и не премогут, понеже с тобою Аз есмь (Иер. 1, 18–19), (Соб. 18, 13).

184. Такого терпения я хочу представить вам два по крайней мере примера, – из коих один показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершиться в добродетели терпения, не только не бегала искушений, но еще искала, чтоб ее огорчали, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала от искушений. Женщина эта жила в Александрии, происходила от знатного рода, и в доме, оставленном ей родителями, благочестно работала Богу. Однажды пришедши к блаженной памяти архиепископу Афанасию, она просила дать ей на содержание и упокоение какую-либо вдову из призираемых на церковном иждивении. Дай мне, говорила она, одну из сестр, которую бы я успокоила. Первосвятитель, похвалив такое доброе намерение женщины и ее усердие к делу милосердия, приказал выбрать из всех такую вдовицу, которая бы превосходила всех честностию нравов, степенностию и обходительностию, чтоб желание являть такую щедрость не было подавлено худостию имевшей пользоваться ею, и чтоб имеющая являть ее, быв оскорблена злонравием сей последней, не потерпела вреда в вере. Итак, приняв такую избранницу, она привела ее в дом и стала ей услуживать во всем. Но видя ее скромность и тихость и получая от нее каждую минуту почет в благодарность за дело своего человеколюбия, она чрез несколько дней опять пришла к помянутому Первосвятителю и сказала: я просила, чтоб ты приказал дать мне такую, которую бы я упокоивала и которой служила бы с полным послушанием. Он сначала не понял, чего ради такая речь и чего желает эта женщина, и подумав, что ее прошение по беспечности зрителя за вдовицами было пренебрежено, не без душевного смущения спросил о причинах такого промедления. Ему сказали, что к ней отправлена честнейшая паче всех других вдовица. Тогда он, догадавшись, чего искала та мудрая жена, велел дать ей вдовицу непотребнейшую из всех, которая всех превосходила бы гневливостию, сварливостию, буйством, болтливостию и суетностию. Когда нашли и дали ей такую, она, взявши ее в свой дом, с таким же или еще с большим усердием стала служить и этой, как служила первой; в благодарность же за такие услуги получала от нее только то, что та оскорбляла ее недостойною бранью, злословием, поношением и, укоряя ее, с язвительным ругательством роптала, что она выпросила ее у архиепископа не на успокоение, а на мучение, и перевела более от жизни покойной к тяжелой, чем от тяжелой к покойной. Такие оскорбления продержая эта женщина простирала иногда до того, что не удерживала даже и рук, а та – госпожа – усугубляла за это смиренные ей услужения, научаясь побеждать ее разъярение не сопротивлением, но более смиренным себя ей подчинением, и укрощать ее неистовство человеколюбивою кротостию. Такими опытами утвердившись вполне в терпении и достигши совершенства в сей желаемой добродетели, она отправилась к помянутому святителю поблагодарить его и за мудрый его выбор, и за собственное благодетельное обучение, за то, что он наконец совершенно согласно ее желанию назначил ей такую достойнейшую учительницу, непрестанными оскорблениями которой укрепляясь каждодневно в терпении, она достигла самого верха сей добродетели. Наконец ты дал мне, Владыко, для успокоения такую, какую именно я желала иметь; а та первая своим почтительным ко мне отношением скорее меня упокоивала и утешала, чем я ее. – Этого достаточно сказать о женском поле, чтоб воспоминанием о таком деле не только назидать, но и пристыжать себя; так как мы, если не запрячемся в келлии, то терпения сохранить не можем (Соб. 18, 14).

185. Теперь представим другой пример терпения аввы Пафнутия, жившего в совершенном уединении в знаменитой Скитской пустыне, в которой он теперь пресвитерствует. Он, еще будучи юным иноком, просиял такую благодатною святостию, что сами великие мужи того времени дивились его преспеянию, и, несмотря на то, что он моложе всех, сравнивали его со старцами и положили иметь его в сем сонме. Когда это огласилось, то зависть, возбуждв-

шая некогда против Иосифа души братьев его, разожгла и против него ядовитым огнем своим одного из числа скитских братий, который злоумыслил обезобразить красоту его каким-либо пятном бесславия. Для сего, выждав время, когда Пафнутий отправился в воскресный день в церковь, вошел воровски в его келлию и, спрятав между плетеницами, какие там обыкновенно плетут из пальмовых ветвей, свою книгу, пришел и себе в церковь, довольный своею хитростию; а по окончании воскресной службы пред всеми братьями принес св. Исидору, бывшему тогда пресвитером, жалобу, что у него из келлии украдена книга. Эта жалоба так смутила всех, и особенно пресвитера, что не знали, что подумать и что предпринять, быв поражены таким новым и неслыханным там преступлением. Тогда донесший о сем обвинитель потребовал, чтоб, удержав всех братий в церкви, избранных из них нескольких послать обыскать все келлии. Когда три, назначенные для сего пресвитером, старца, осмотревши все другие келлии, пришли в келлию Пафнутия, то нашли в ней скрытую между пальмовыми плетеницами книгу, как спрятал ее там наветник, и взяв ее, принесли тотчас в Церковь и положили пред всеми. Пафнутий, хотя по чистой совести уверен был в своей непричастности никакому в сем греху; но как бы виновный в воровстве, предал себя суду старцев, изъявляя готовность понести, что будет присуждено в удовлетворение, и прося дать место его покаянию. Он ничего не говорил в свое оправдание, по стыдливой скромности опасаясь, как бы, стараясь словами смыть пятно воровства, не подпасть сверх того еще осуждению и во лжи, когда никто не подозревал ничего другого, кроме того, что найдено. По окончании разбирательства и составлении о нем определения, вышел он из церкви, не упавши духом, а вверяя себя суду Самого Бога, и начал нести покаяние, усугубив молитвы с обильными слезами, утроив пост и в крайнем смирении духа простираясь пред лицом людей. Когда в продолжение почти двух недель подвергал он себя таким образом всякому сокрушению плоти и духа, и потом в день субботний или воскресный рано утром пришел к церкви не для того, чтоб принять Святое Причастие, а для того, чтоб простершись у дверей ее смиренно просить себе прощения;—тогда Бог, свидетель и вестник всего сокровенного, не терпя, чтоб он долее и сам себя сокрушал, и был бесславим другими, диавола наставил опубликовать то, что тот изобретатель зла, вещи своей вор бесчестный, славы чужой хитрый обесславитель, учинил без всяких свидетелей. Ибо объятый лютейшим демоном он сам раскрыл все хитрости скрытной своей проделки, и таким образом, кто был внушителем преступления и козней, тот же сделался и предательским разглашателем. Потом этот нечистый дух сильно и долго мучил несчастного сего брата, так что его не могли очистить от него не только молитвы бывших там прочих святых, которые имели Божественный дар власти над бесами, но и особая благодать Исидора Пресвитера не изгнала этого лютейшего мучителя, хотя по щедродательности Господа ему дарована была такая над ними сила, что бесноватые и до дверей его не были доводимы, как получали исцеление. Это потому было так, что Христос Господь славу сию сберегал для Пафнутия, чтоб обидчик исцелен был только молитвами того, против кого строил козни, и получил прощение в грехе своем и освобождение от настоящего наказания, провозглашая имя того, чью славу надеялся затмить, как завистливый враг (Соб. 18,15).

186. Две причины побудили меня рассказать это дело: первая, чтоб помышляя о непоколебимой твердости этого мужа, тем более являли мы невозмутимости и терпения, чем меньшим подвергаемся наветам врага; вторая, чтоб воспринять из него твердое убеждение, что мы не можем быть безопасны от бури искушений и нападений диавола, если всю охрану нашего терпения и всю надежду на то будем полагать не в силах внутреннего нашего человека, а в запорах келлии, или в уединении пустынном, или в сообществе святых, или вообще в чем-либо вне нас сущем. Ибо если Господь, сказавший в Евангелии: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), не укрепит нашего духа силою Своего заступления, то напрасно будем мы надеяться — наветы врага воздушного или победить помощью живущих с нами людей, или отклонить от себя местным расстоянием (т. е. удалившись в пустыню), или не

допустить до себя, закрывшись стенами и кровлею (т. е. заключившись в келлию). Ибо все это имелось у св. Пафнутия, и однако ж искуситель нашел доступ к нападению на него, – и этого злейшего духа не отразили от него ни оплот стен, ни уединение пустыни, ни заступление стольких святых в том сообществе. Но как сей Божий раб святой не на внешнее что-либо возлагал надежду сердца своего, а на Самого всех сокровенностей Судию, то никак не мог быть расстроен кознями такого нападения. Также и тот, кого зависть ввергла в такое преступление, не пользовался ли благодеянием пустыни, ограждением отдаленного жилища и сообществом блаженного Исидора аввы и пресвитера и прочих святых? И однако ж, когда буря дьявольская нашла его самого устроенным на песке, то не только сильный удар нанесла его жилищу (внутреннему устройению), но и совсем его разрушила. Перестанем же искать основ своего невозмутимого мира внутреннего вне себя и ожидать, что немощам нашего терпения может помочь чужое терпение. Ибо как *Царствие Божие внутри нас* есть, так и *враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36). И никто не сопротивляется мне более моего же чувства, которое есть самый близкий мне домашний. Будем же внимать себе паче, чтоб наши домашние враги не могли нас уязвлять. Ибо когда наши домашние не восстают против нас, тогда и Царствие Божие пребывает в нас в невозмутимом мире душевном. И если взвесить тщательно причины происходящего в нас, то найдешь, что я не могу быть уязвлен никаким, даже самым зложелательным, человеком, если сам не буду восставать против себя немирностию своего сердца. Почему если бываю уязвляем, то причина этому не в нападении совне, а в моем нетерпении. Так твердая пища для здорового полезна, а для больного вредна. Не может она повредить приемлющему ее, если ей к нанесению ему вреда не придаст силы немощь его (Соб. 18, 16).

8. О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни

187. Мы всегда должны быть твердо уверены, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всею неумолимостью упражнялись во всякой добродетели. Одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет притом содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно. Потому в каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: *соверши стопы моя во стезях Твоих, да не подвижутся стопы моя* (Пс. 16, 5), – дабы сей невидимый Правитель духа человеческого обращал произволение наше к добродетели, так как оно более склонно к пороку, то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено пророком в одном стихе песни: *отриновен превратихся пасты: и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Первым полустушием означает нетвердость нашего произволения; а вторым – всегда готовая нам помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтоб иначе с одним своим произволением не пали мы совершенным падением. – Так ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать праведность; непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть. Потому милость Господня подкрепляет его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произволения, совершенно не погиб он в падении своем (Соб. 3, 12). И кто будет столько самонадеян и слеп, чтоб думать, что не имеет нужды в непрестанном содействии Божию, когда Сам Господь в Евангелии ясно научает: *якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете: без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 4, 5)? Как же неразумно, даже святотатственно, присвоять какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его содействия никто не может приносить духовных плодов (Соб. 3, 16)?

188. Веруем потому, что как начало благого расположения полагается в нас особым внушением Божиим, так равно совершение добродетелей подается Им же; наше же дело с большею или меньшею готовностью покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду или достойное наказание, судя по тому, нерадим ли, или с благоговейною покорностию заботимся соображаться с распоряжениями и промыслием Божиим, простертым на нас благостынным благоволением Его. Это ясно выразилось в исцелении Иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо них, это есть благодать Божественного промыслиения и снисхождения. Но что они взывали: *помилуй ны, Господи, Сыне Давидов* (Мф. 20, 31), это дело их веры и упования; самое же прозрение опять от милосердия Божия (Соб. 3, 19).

189. Земледелец, хотя много трудится над возделыванием земли, но не может ожидать обильного плода, если на обработанную землю не падет благовременный дождь и не будет благоприятной погоды. Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать свою землю, Бог не дает плода, так и трудолюбивым не принесет пользы повсечасная забота, если не поблагопоспешит им милосердие Божие. Так и в деле жизни по Богу и свои труды нужны, но если благодать Божия не поблагопоспешит, ни в чем не успеем. Исповедуй же, что Бог есть начальный Виновник не только дел, но и помышлений благих: Он внушает нам и Свою волю Святую, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем; *ибо всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов* (Иак. 1, 17), (Соб. 13, 3).

190. Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но вовеки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не даст ей угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя. Благодать Божия близка ко всем; она всех без изъятия призывает ко спасению и к тому, чтобы все пришли в познание истины, ибо говорит: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). (Соб. 13, 7).

191. Уму человеческому не понятно, как это спасение принадлежит и нашему произволению, ибо говорится: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесите* (Ис. 1, 19), и вместе оно есть дело *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16), – как это Бог имеет воздать каждому по делам его, и вместе Он же есть – *и ежехотети, и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), – почему это нам повелевается *сотворить себе сердце ново и дух нов* (Иез. 18, 31), и вместе говорится: *и дам вам сердце ново и дух нов дам вам* (Иез. 11, 19). Не трудно будет решить сии сомнения, если мы будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия, и свободное произволение наше, и что человек, хотя может иногда желать добродетели, но чтобы исполнить желания сии, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, но нужно, чтобы податель жизни – Бог – дал силы к восстановлению здоровья. Чтобы совершенно увериться в том, что и от природной способности, данной милосердным Творцом, возникающие добрые желания можно исполнить только при помощи Божией, для того довольно вспомнить слова Апостола: *еже хотети, прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18), (Соб. 13, 9).

192. Многие спрашивают, когда в нас действует благодать, – тогда ли, когда обнаруживается в нас доброе желание, или доброе желание тогда в нас обнаруживается, когда посетит нас благодать Божия? Опыт и то и другое оправдывает: Савл и Матфей мытарь не сами возжелали, но пожелали по призванию; Закхей и разбойник на кресте своим желанием предварили дело благодати. Так и положить надлежит: когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность; но если мы не хотим добра или охладели

к нему, то делает нам спасительные внушения, чрез кои доброе расположение образуется или возобновляется (Соб. 13, 11).

193. Не должно думать, что природа человеческая способна к одному только злу. Творец всеял в души наши семена всех добродетелей, но для возрастания их нужны воздействия со стороны Бога; так однако ж, что в человеке всегда пребывает свободное произволение принимать или не принимать сии благодатные воздействия. Если б совсем не зависело от нас устройство нашего спасения, то Апостол не сказал бы: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте*; но если б все зависело от нас одних, то Он не присовокупил бы: *Бог бо есть действующий в вас и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 12, 13). Благодать Божия и предваряет нас, ибо пророк говорит: *Бог мой, милость Его предварит мя* (Пс. 58, 11), – и последует за нашею волею, почему и говорится: *и утро молитва моя предварит Тя* (Пс. 87, 14), (Соб. 13, 12).

194. Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону так однако ж, что и от нас требует или ожидает соответственных усилий. Чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности; чтобы щедрое сообщение даров ее не казалось беспричинным, сообщает их после нашего возжелания и труда. При всем том однако ж благодать всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает с безмерною щедростию. Посему, сколько бы ни были велики труды человеческие, все они не могут сделать благодать не тунедаемою. Апостол языков, хотя говорил, – что он *потрудился паче всех Апостолов*; впрочем присовокупляет, что труды эти не ему принадлежат, а *благодати Божией, которая с ним* (1 Кор. 15, 10). Таким образом словом: *потрудился*, он выражает усилия своей воли; словами: *не аз, но благодать Божия* – Божественное содействие, а словом: *со мною* – показывает то, что благодать содействовала ему, не в праздности и беспечности пребывающему, а тогда, как он трудился (Соб. 13, 13).

195. Бог многоразличными и непостижимыми способами устрояет спасение наше: в желающих и ищущих спасения Он усиливает желание, а в не имеющих желания возбуждает оное; помогает исполнению спасительных желаний наших, – и вдыхает святыя желания, или утверждает их. Почему в молитвах своих мы именуем Его и Покровителем и Спасителем и Помощником. Он, подобно нежнейшему Отцу и сострадательному Врачу, во всех нас все производит: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к Нему, у других приводит к концу дела, и добродетели к совершенству, – иных удерживает от близкого падения, а другим подает случаи и удобства ко спасению, – иным, хотящим и текущим, способствует, других, не хотящих и противящихся, привлекает и склоняет к доброму расположению: всюду производит все – возбуждая, содействуя и утверждая, – но без нарушения данной Им же свободы (Соб. 13, 18).

9. О молитве (Соб. 9)

196. Надобно поставить для себя первую целию и верхом совершенства непрестанную молитву, опирающуюся на умирении души и чистоте сердца, для достижения коих подымается нами утрудение тела и держится сокрушение сердца. Связь между всеми сими деланиями и молитвою неразрывна и взаимна. Ибо как строй добродетелей (сих) ведет к совершенству в молитве; так они, – если молитва не завершит и не увенчает собою их всех, не могут пребыть твердыми и постоянными. Как без них не может быт приобретена и взойти к совершенству эта, о коей у нас речь, непрестанная, чистая и невозмутимая молитва; так и эти добродетели, в устройении жизни по Богу идущие впереди ее, не могут быть явлены в совершенстве без неусыпной молитвы. Посему мы не могли бы войти прямо в рассуждение о силе молитвы, завершающей собою здание всех добродетелей, если б наперед не было нами по порядку означено и рассмотрено все, что должно быть отсечено или приготовлено в

видах стяжания ее, – или если б, – по смыслу Евангельской притчи (Лк. 14, 28–30), не было нами наперед расчислено и собрано все, что потребно для построения сего возвышеннейшего духовного столпа; что однако ж и будучи приготовлено, не пойдет в дело как следует и не допустит правильно возложить над собою последних верхов совершенства, если прежде, по вынесении всякой нечистоты пороков и выброшении обломков и мертвого мусора страстей, на живой и твердой земле сердца нашего, как бы на оном Евангельском камне (Лк. 6, 48), не будет положен прочнейший фундамент простоты и смирения, на котором мог бы быть воздвигнут этот столп чрез назидание на нем духовных добродетелей, непоколебимо стоять и главу свою возносить до последних высот неба, надеясь на свою прочность. Когда же он будет утвержден на таковом фундаменте, тогда пусть снидет проливной дождь страстей, пусть подобно стенобитным машинам нападут стремительные реки гонений, пусть наляжет свирепая буря враждебных духов, он не только разрушением не разрушится, но не почувствует даже их приражения.

197. Посему, чтоб молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, вот что следует всячески соблюдать: во-первых, всякая забота о вещах плотских всеконечно должна быть отсечена; потом – не только хлопотание о каком-либо деле или случае, но даже и память о том отнюдь не должны быть допускаемы, равно как развлечение, пустословие или многословие, и шутки должны быть пресечены, паче же всего смятение от гнева или скорби совсем подавлено, пагубное возбуждение плотской похоти и влечения сребролюбия – с корнем исторгнуты. По совершенном же извержении и отсечении этих и подобных пороков, открытых и для взоров человеческих, и по таком предварительном вычищении всего, завершающемся чистотою и непорочностью, должно далее во-первых положить непоколебимый глубокого смирения фундамент, который был бы силен сдержать имеющий проникнуть в самые Небеса столп; потом должно быть на сем основании возведено здание духовных добродетелей, и дух удерживаем от всякого парения и блуждания непостоянного, чтоб таким образом духовный взор мало-помалу начал подниматься к созерцанию Бога. Ибо что прежде молитвенного часа восприняла в себя душа наша, то необходимо приходит нам на мысль и во время молитвы, бывая вносимо туда рукою воспоминания. Почему какими желаем быть во время молитвы, такими должны мы себя уготовать прежде времени молитвы; и чего не желали бы мы видеть теснящимся в нас, когда молимся, то поспешим прежде того изгнать из сокровенностей сердца нашего, да возможем исполнить апостольскую заповедь: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17).

198. Ум наш не неприлично сравнивают с крайне легким перышком или пухом, который не будучи омочен никакою стороннею жидкостью, при самом слабом дыхании ветра обыкновенно возносится, по своей легкости, на большую высоту; а бывая отягчен какою-либо влагою, вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги падает долу и прилипает к земле. Так и ум наш, если не будет обременен пришлыми ему страстями и заботами мирскими и поврежден влагою пагубной похоти; то будучи легок, в силу естественной своей чистоты при самом легком веянии духовного размышления, возвышается горе и, оставляя дальнее и земное, уносится к Небесному и невидимому. Поэтому-то собственно и внушают нам Господни заповеди: *внемлите себе, да не отягчают сердца ваша объядением и пиянством, и печальми житийскими* (Лк. 21, 34). Итак, если хотим, чтобы молитвы наши не только до Небес, но и превыше Небес проникали; то постараемся ум свой возвести к естественной его легкости, очистив его от всех земных пороков и от всякой влаги мирских страстей, чтоб таким образом молитва его, не отягчаясь более никаким бременем чуждым, легко воспаряла к Богу.

199. Обратите внимание на причины, на кои, как на отяжеляющие ум наш, указал Господь. Не на прелюбодеяние, не на блуд, не на убийство, не на богохульство, не на хищение, которые все признают грехами смертными и достойными осуждения, указал Он, а на мно-

гоядение, винопитие и попечения или заботы века сего, которых не только из людей мира сего никто не бережется и не считает зазорными, но, стыдно сказать, некоторые и из отречшихся от мира позволяют себе те же прохладения, не видя в них для себя ни вреда, ни беды. Впрочем, этих трех неправостей, отяжеляющих душу, от Бога ее отделяющих и к земле пригнетающих, если разуместь их, как гласит буква, легко избежать, особенно нам, так далеко удаленным от всякого сношения с миром и никакого совершенно не имеющим случая вмешиваться в эти видимые попечения, пьянства и пресыщения. Но есть иное некое пресыщение и пьянство духовное, труднее избегаемое, и есть иное некое попечение и печаль века сего, которые и нас охватывают, после совершенного отречения нашего от всех стяжаний, при воздержности нашей от вина и всякого пресыщения, при нашем пребывании в пустынном уединении. Я разумею поблажки плоти, привязанности и страсти, от которых если не очистим себя, то и без опьянения от вина и без обилия яств сердце наше будет отяжеляемо пьянством и пресыщением еще более вредным. И только тот, чей ум, отрешившись от уз всех страстей, глубоко умиротворится, и чье сердце всем устремлением накрепчайше прилепится к Богу как верховному благу, может в совершенстве исполнить апостольскую заповедь: *непрестанно молитесь*.

200. Все виды молитв без особенного сокрушения сердца, чистоты души и просвещения от Духа Святого, думаю, невозможно обнять. Их столько, сколько в одной душе или и во всех душах может порождаться разных состояний и настроений. По мере преуспевания ума в чистоте и по качеству состояния, в какое он или случайностями вводится, или в силу своих внутренних деланий обновленно восходит, и она в каждые такие моменты преобразуется; и потому очевидно, никем не могут быть воссылаемы всегда однообразные молитвы. Всякий иначе молится, когда весел, иначе, когда обременен печалию или нечаянием; иначе, когда процветает в духовных преспеяниях; иначе, когда угнетается множеством вражеских нападений; иначе, когда испрашивает отпущение грехов; иначе, когда молит о приращении благодати или о стяжании какой-либо добродетели, или о погашении какой-либо страсти; иначе, когда поражен бывает страхом при размышлении о геенне и будущем Суде; иначе, когда воспламеняется надеждою и желанием будущих благ; иначе, когда бывает в нуждах и опасностях; иначе, когда наслаждается безопасностью и миром; иначе, когда осиявается откровениями Небесных таин; иначе, когда скорбит о бесплодии в добродетелях и сухости чувств.

201. По предметам Апостол различает четыре вида молитв, говоря так: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения* (1 Тим. 2, 1). – *Молитва*, – *δεησις*, – есть моление или умаливание о грехах, когда кто, пришедши в сокрушение о содеянных им настоящих или прошедших грехах, испрашивает прощения в них; – *моление*, – *προσευχή*, – бывает, когда, молясь, что-либо приносим или обещаем Богу (говоря: я то и то сделаю, только ущедри, Господи); *прошение*, – *ᾠτεύσις*, – бывает, когда, находясь в горячности духа, воссылаем молитвы за других, о тех, кого любим, или о мире всего мира; *благодарение*, – *ᾠχαριστία*, – когда ум приносит Богу благодарение (и славословие), вспоминая прошедшие благодеяния Божии, или видя настоящие, или прозревая, какие в будущем уготовал Бог блага любящим Его.

202. За сими четырьмя видами молитв следует молитвенное возвышеннейшее некое состояние, которое заключается в созерцании Единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый сею любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностью. Что мы должны тщательно искать сего состояния, сие внушает нам молитва Господня: *Отче наш* и проч. (Мф. 6, 9-13).

Мы говорим: *Отче наш!* и тем исповедуя Бога – Владыку вселенной – своим Отцом, исповедуем вместе, что изъяты из состояния рабства и присвоены Богу в качестве усыновленных чад Его. – Присовокупляя же потом: *Иже еси на небесех*, изъявляем готовность всем

отвращением отвращаться от привязанности к настоящей жизни земной, как страннической и далеко отдаляющей нас от Отца нашего, а напротив, с величайшим желанием стремиться к той области, в коей обитает Отец наш, и не позволять себе ничего такого, что, делая нас недостойными высокого усыновления, лишало бы нас, как незаконных детей, Отческого наследия и подвергало всей строгости Праведного Суда Божия.

Достигши столь высокой степени сынов Божиих, мы должны гореть такою сыновнею к Богу любовью, чтоб уже не своих польз искать, но всем желанием желать славы Его – Отца своего, говоря Ему: *да святится Имя Твое*, чем свидетельствуем, что все наше желание и вся радость есть слава Отца нашего, – да славится, благоговейно чтится и покланяемо бывает преславное имя Отца нашего.

Второе прошение очищенного ума есть прошение, *да приидет Царствие* Отца его, – или то, коим Христос царствует во святых, когда по отнятии власти над нами у диавола и изгнании из сердец наших страстей, Бог начинает господствовать в нас чрез благоухание добродетелей, – или то, которое в predeterminedенное время обещано всем вообще совершенным и чадам Божиим, когда скажет им Христос: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

Третье прошение, свойственное сынам: *да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли*, – что означает: да будут люди подобны Ангелам, – и как сии исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю; означает еще: да будет с нами в жизни все по воле Твоей; Тебе предаем участь нашу, веруя, что Ты все, – и счастье и несчастье – устрояешь во благо нам, и более печешься о нашем спасении, нежели мы сами.

Далее: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь*. *Насущный* – надсущный, – высший всех сущностей, – (каковым может быть только хлеб, *сшедший с небес*). Когда говорится: днесь, показывается, что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он также не будет преподан нам и ныне, в убеждение нас такую каждодневную нужностию его во всякое время изливать сию молитву, так как нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением сего хлеба.

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. Милостивый Господь обещает нам прощение грехов наших, если сами мы покажем пример прощения братьям нашим: *остави нам, якоже и мы оставляем*. Очевидно, что в надежде на сию молитву с дерзновением может просить себе прощения только тот, кто сам простил должникам своим. Кто же от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату своему, тот сею молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение. Ибо если эта молитва его будет услышана, то в соответствие примеру его что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и непременно определение наказания. *Суд без милости не сотворшему милости* (Иак. 2, 13).

И не введи нас во искушение. Приводя на память слова ап. Иакова: *блажен муж, иже претерпит искушение* (Иак. 1, 12); – сии слова молитвы мы должны разуметь не так: «не попусти нам когда-либо искуститься», – но так: «не допусти нам быть побежденными в искушении». Искушаем был Иов, но не введен в искушение; ибо, при помощи Божией, *не даде безумия Богу* (Иов. 1, 22), и не осквернил уст своих богохульным ропотом, к чему хотел привлечь его искушитель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой не введен был во искушение; ибо ни один не исполнил воли искушителя.

Но избави нас от лукаваго, – т. е. не попусти искуститься от диавола сверх нашей силы, но *сотвори со искушением и избытие, яко возможи нам понести* (1 Кор. 10, 13).

203. Хотя предложенная молитва, будучи изречена Самим Господом, заключает в себе всю полноту совершенства (молитвенного); однако ж Господь присных Своих проводит еще далее – к возвышеннейшему некоему, как мы выше поминали, состоянию, – к той пламенной, весьма не многими дознанной или испытанной, даже, скажу, неизреченной молитве, кото-

рая, превосходя всякое человеческое понятие, не звуком голоса, не движением языка и произнесением каких-либо слов обозначается, и которую ум, изливанием Небесного онго света озаренный, не слабою человеческою речью выражает, но собрав чувства, как бы из обильнейшего некоего источника изливает из себя неудержимо, и неизреченно некак отпрыгает прямо к Господу, то изъясняя в этот кратчайший момент времени, чего, в себя пришедши, не в силах бывает он ни словом изречь, ни проследить мысленно.

204. Такого рода молитвенное состояние есть Божий дар; обычно же благодатное молитвенное настроение характеризуется умилением, посещением которого объятый ум возбуждается к чистой и пламенной молитве. Умиление сие находит при разных случаях, как показал опыт. Иногда, во время пения псалмов, слова какого-либо стиха подавали повод к пламенной молитве, иногда благозвучная мелодия братнего голоса возбуждала души изумленных к напряженному молению. Знаем также, что иногда внятное и благоговейное пение много вливало горячности в предстоящих; а нередко увещание мужа совершенного и духовное собеседование возбуждали в лежащих, когда преклоняли колена, чувство к обильному изливанию молитв. Бывало, что мы не менее сильно были восхищаемы к полному умилению по-гибелию брата или дорогого какого человека. Также воспоминание о нашей холодности и лености иногда наводило на нас спасительный жар духовный. И вообще, случаи, в которых Божия благодать пробуждает наши души от бесчувствия и сонливости, бесчисленны.

205. Как при разных случаях находит умиление, так разное и выражается оно: иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною; иногда погружает в глубокое молчание все силы и движения души; иногда изводит более или менее обильные слезы. Слезы или плачевное некое настроение есть более обычное его выражение. Они бывают при сем или от уязвления сердца сознанием своих грехов, или от созерцания вечных благ и от желания вечной славы, или от сознания великих к себе благодетелей Божиих, при чувстве своего непотребства и недостойнства, или от чувства многобедственного странствования нашего на земле.

206. Какой знак услышания молитвы? – Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, и ничто надежды нашего прошения не низлагает нечаянием, если в самом изливании молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просили, то да не сомневаемся, что молитвы действительно услышаны. Ибо настолько молящийся удостоится услышан быть и получить просимое, насколько будет верить, что Бог на него взирает и может исполнить его прошение. Ибо непреложно изречение нашего Господа: *вся, елика аще молящиеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам* (Мк. 11, 24). При сем Слово Божие указывает немало причин, способствующих услышанию молитвы. Так бывает слышима молитва, когда двое соглашаются молиться (Мф. 18, 19), – или когда кто молится с верою, хотя бы сия вера равнялась зерну горчичному (Мф. 17, 20), – или когда кто неотступно молится (Лк. 11, 8), – или когда с молитвою соединяют милостыню (Сир. 29, 15), – и другие дела милосердия (Пс. 58, 6–9). Видите, сколькими способами снискивается благодать услышания молитвы; потому никто не падай в нечаяние при испрошении себе спасительных благ. Ибо положим, что у тебя не достанет многого из того, чрез что слышывается молитва; но неужели не можешь ты иметь неотступности в молитве, которая в руках всякого желающего. Ради нее одной Господь обещал дать все, что будет прошено. Потому без колебания неверием будем неотступны в молитве, и получим просимое. Так обещовал Господь: *просите, и дастся вам, ищите и обрящете, толцуйте и отверзется вам* (Лк. 11, 9, 10). Но всякий молящийся должен знать, что он наверно не будет услышан, когда будет сомневаться в услышании.

207. Паче всего относительно молитвы надлежит нам исполнять Евангельскую заповедь, чтоб мы молились Отцу Небесному, вошедши в свою клеть и затворив двери. Это и буквально исполнять следует, а паче духовно. Внутри своей клетки молимся, когда сердце свое совершенно отвлекая от всех помыслов и забот, приносим молитвы свои Господу неко-

торым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения Богу единому, так что и самые противные власти не могут узнать, о чем молимся. Почему надобно молиться с глубоким молчанием не для того только, чтоб предстоящих братий не отклонять от молитвы и не возмущать из молитвенных чувств своим шепотом или возгласами, но и для того, чтоб от самых врагов наших, наветующих нам, особенно когда молимся, укрылось намерение (предмет) нашей молитвы.

208. Молитва наша взойдет в свойственное ей совершенство, когда в нас совершится то, о чем молился Господь к Отцу Своему: да *любь, еюже Мя возлюбил еси, в них будет* (Ин. 17, 26); и еще: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тиши в Нас едино будут* (там же, ст. 21). Это будет тогда, когда вся наша любовь, все желание, вся ревность, все стремление, вся мысль наша, все, что видим, о чем говорим, чего чаем, будет Бог, – и когда то единение, которое есть у Отца с Сыном, у Сына с Отцом, изливается в наши сердца и умы, – чтоб как Он искреннею чистотою и неразрывною любит нас любовью, так и мы соединены были с Ним чистою и неразделимою любовью. Достигший сего вступает в состояние, в коем не может не теплиться в сердце его непрестанная молитва; тогда всякое движение жизни его и всякое устремление сердца его будет единая непрерывная молитва, предвкушение и залог вечнображенной жизни.

209. Для достижения последнего совершенства в молитве надлежит утвердиться в памятовании о Боге неотходном, – к чему средством служит краткая, часто повторяемая молитва (Соб. 9, 36). Отцы наши нашли, что стремящийся к всегдашнему памятованию о Боге должен приобрести навык непрестанно повторять следующую молитву: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потицися* (Пс. 69, 2). – Стишок сей не недостойно избран из всего Писания: он выражает все расположения, требуемые в молитве, и отвечает всем потребностям молящегося. Он содержит смиренное исповедание своей беспомощности, исповедание Бога единым Помощником, всегда готовым помочь, – веру и чаяние, что и ему, произносящему сию молитву, поможет и от всякой беды его избавит. Кто непрестанно призывает Бога сими словами, тот умно видит и сердцем ощущает Бога присущим себе и к Нему обращается как к Отцу с сыновнелюбящим сердцем, – и чрез то привлекает на себя Божий покров, осенение и ограждение. И соделовается таким образом сия краткая молитва непреодолимою стеною против нападения бесов, – разогнательницею шума мыслей, отразительницею помыслов худых, укротительницею страстных движений и воспитательницею всяких добрых насаждений в сердце. Отцы и заповедали нам: докучает ли страсть чревобезия в разнообразных своих проявлениях, – взывай: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потицися*; – или чувствуешь нужду в более строгом посте для укрощения плоти и не надеешься совладеть с собою, молись: *Боже, в помощь мою вонми*, и проч. Томит ли дух уныния, и снедает печаль, отбивая от всякого должного дела, говори: *Боже, в помощь мою вонми*; – или посетит душу некое обвеселение духовное, и тебе желательно сохранить его и возвысить, то же слово рцы: *Боже, в помощь мою вонми*. Подымется ли щекотание плоти со своею обольстительною сластию, – и боишься, как бы сей огонь не опалил благовонного цвета целомудрия, взывай: *Боже, в помощь мою вонми* и проч.; или вошла бестревожность и прохлада в члены твои, и ты желаешь, чтобы это доброе состояние продолжилось или навсегда пребыло в тебе, усерднее тверди: *Боже, в помощь мою вонми* и проч. Так и при всякой духовной нужде эту одну тверди молитовку; и будет она для тебя избавлением от всего худого и охраною в тебе всего доброго. Почему пусть она непрестанно обращается в груди твоей; при всяком деле и служении, на пути и за столом, при отходе ко сну и пробуждении не преставай воспевать стишок сей и поучаться в ней, пока чрез постоянное упражнение в сем навыкнешь воспевать его и во сне.

210. Плодом сего будет перее всего то, что ты отвергнешь все богатство своих помыслов, и удерживаемый единостию сего стишка, будешь все более и более навекать объединению ума помышлением о едином Помощнике, зря Его всегда присущим тебе, всевидящим и всесодержащим. Отсюда потом, восходя к живейшему общению с Богом, начнешь насыщаться все более и более возвышенными тайнами, погружаясь в Бога, с Ним единым пребывая и Им единым удовлетворяясь. Так наконец достигнешь ты и той помянутой выше чистой молитвы, которая не допускает уже во внимание никакого образа и не проявляется никаким звуком голоса или произнесением каких-либо слов, но с неудержимою живостию исторгается из сердца, неизреченно восторженного пламенным устремлением ума к Богу, и изливается пред Ним неизъяснимыми воздыханиями и стенаниями.

10. О руководстве в духовной жизни – рассуждении с советом опытейших (Соб. 2)

211. Некогда собрались старцы к св. Антонию Великому и с вечера до утра рассуждали о разных духовных предметах, – и особенно о том, какая добродетель больше всех, которая могла бы сохранять нас неуловимыми для сетей обольщения диавольского и прямым путем вести на верх совершенства. Предлагались разные мнения: одни выставляли пост и бдение; другие – нестяжательность и презрение всех вещей; иные отшельничество или удаление в пустынь; иные – человеколюбие. Когда таким образом все высказались, стал говорить бл. Антоний. «Все сказанное вами спасительно и необходимо для ищущих Бога и желающих прийти к Нему. Но дать первенство какой-либо из указанных вами добродетелей не позволяют опыты падения преуспевавших в них. Ибо и отличавшиеся строгими постами и бдениями, и пребывавшие неисходно в пустынном уединении, и доходившие до крайней степени нестяжательности, и щедрые милостынедавцы попадались в сети врага и падали. И причина этому, думаю, не другая какая была, как недостаток рассудительности. Ибо она научает человека идти царским путем, избегая опасных крайностей: в отношении к пощению, например, она не допускает ни до чрезмерного изнурения тела, ни до поблажек ему. В Евангелии она называется оком и светильником души: *светильник телу*, говорит Господь, *еще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет: еще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет* (Мф. 6, 22, 23). Как свет все освещает и око все видит, так и она, все помышления и дела человека пересматривая и обсуждая, выясняет и определяет, что должно делать, как и от чего следует удержаться. Когда же у кого не достает такой рассудительности, тогда дела его и помышления, не будучи строго обсуждаемы, текут, как течется, и тут враг успевает подставить ему кажущееся добро вместо истинного, и, прикрывая им ров или сеть, ввергает в них и погубляет его».

212. Решение св. Антония подтверждается бесчисленными примерами. Вспомним о жалком падении старца Ирона. Он вдаль в крайне строгий пост и глубокое уединение, и чтоб как-нибудь не нарушить их, по внушению врага не стал приходить в обычные собрания пустынников по субботам и воскресеньям, где во взаимном собеседовании выяснялись разные пути и распутия жизни строгой. Обольстившись этим, будто добрым советом врага, он поддался ему еще в большем прельщении, – принял его за Ангела, когда он явился ему в сем виде, и согласился, по его слову, броситься в высохший колодезь, – расшибся и на третий день скончался. – Вот и еще пример: два брата, вознамерясь идти в глубочайшую пустыню, положили не принимать иной пищи, кроме той, которую подаст Сам Господь. Когда, блуждая по пустыне, они изнемогли до того, что уже и двигаться не могли, напали на них мазики – дикий и жестокий народ; но видя их в таком жалком положении, сжалились над ними и предложили им хлеба. Один одумался и согласился принять хлеб, хоть и от человеков, но как от Господа посланных; подкрепился и остался жив. А другой упорно остался при своем

решении, – и умер от голода. Вот и еще: некто из строгих постников и уединенников счел себя достойным общения с Небесными Силами, – и враг не замедлил воспользоваться сим; стал являться ему, как ангел, давать откровения о делах и мыслях человеческих, производить в келлии свет без светильника. Достигши сим путем полного к себе доверия, он велел ему наконец принести в жертву Богу сына своего, подобясь Аврааму. И это конечно было бы исполнено, если бы сын, видя необыкновенные приготовления, не догадался убежать. – Еще: в Месопотамии одного воздержника и уединенника враг довел до беспрекословной веры снам, представив ему в сновидении два народа: христианский с апостолами и мучениками во мраке, бесславии, скорби и плаче, – и Иудейский с Моисеем, патриархами и пророками в лучезарном сиянии, в славе и радовании, – склонил перейти во иудейство и принять обрезание. – Довольно и этих примеров, чтоб убедиться, что нерассудительность есть открытая дверь к падениям и пагубе.

213. Рассудительность есть дар Божий, который однако ж надлежит развивать и воспитывать. Как? Отдавая все свое – на рассуждение опытейших отцов. Это самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достоуверном даже и такие, которые не имеют особой к тому способности. Так решается вопрос, – как приобретается рассудительность. Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коею первым оказательством служит – открывать отцам не только то, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев, и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Такое действие и способствует безопасно пребывать на правом пути, и охраняет от всех сетей диавольских. Тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших, невозможно пасть от прельщения бесовского. Так предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей. Враг не любит света; почему откровение злых помыслов тотчас, как они открываемы бывают, разгоняет их и истребляет. Как змея, извлеченная из темной норы на свет, старается убежать и скрыться: так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Это подтверждается многими и премногими примерами и опытами.

214. Авва Серапион рассказывает о себе: когда был я в новоначалии, то тайком от аввы брал себе сухой хлебец и съедал. Я делал это очень долгое время, и страсть овладела мною так, что я не мог одолеть ее. Совесть осуждала меня; я же стыдился сказать об этом авве. – Но по смотрению человеколюбивого Бога случилось зайти к старцу некоторым братьям, которые стали открывать ему свои помыслы и просить на них разрешения. Старец отвечал им, что требовалось, причем пришлось говорить и о воздержании в пище. Потом он прибавил: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов своих. Слова эти сильно поразили меня; мне думалось, что Бог открыл старцу мои согрешения, и, пришедши в сокрушение, я начал плакать, – потом вынул из-за пазухи хлебец, который обыкновенно крал, и, повергшись на землю, просил простить прошедшее и молиться о сохранении меня от сего в будущем. Тогда старец сказал: признание твое освободило тебя от плена твоего; открывши свои грехи, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании. Доселе ты попускал ему обладать тобою, не противореча ему и не обличая его, а теперь, будучи изведен из сердца твоего и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил еще речи, как показалось, будто горящий факел вышел из недр моих и наполнил всю келлию зловонием, так что присутствующие думали, что горит сера. Старец прибавил: вот Господь явно подтвердил истину слов моих и твоего освобождения. Так действием признания отступила от меня страсть чревоугодия, и с тех пор даже на мысль мне не приходило прежнее пожелание.

215. Что видим в Самуиле? – Он, с младенчества будучи посвящен Богу и удостоясь беседы с Ним, не поверил своему помыслу, но дважды воззванный Богом, спешит к старцу

Илию и от него получает наставление, как должно отвечать Богу. Таким образом Бог Сам и того, кого удостоил собеседования с Собою, восхотел руководить наставлением старца, чтоб чрез то путевождать его к смирению. – Не то же ли видим и в св. Павле? Господь Сам призвал его; но тут же отсылает его к Анании, чтоб у него научиться пути истины. – И сам св. Павел после нескольких опытов проповеди Евангельской идет в Иерусалим проверить свое благовестие, *да не како вотще течет* (Гал. 1, 13-2, 2), – хотя ему осязательно сопутствовала благодать Святого Духа. Так очевидно, что Господь никому не открывает пути к совершенству, кроме руководимых к оному духовными отцами, как и чрез пророка говорит: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7).

11. О степенях совершенства духовной жизни, по побуждениям к ней (Соб. 11-е)

216. Три побуждения заставляют людей подавлять страсти, именно: страх гееннского мучения в будущем или боязнь строгости законов в настоящем; надежда и желание получить Царство Небесное; наконец любовь к добродетели, или добротолюбие. Что страх заставляет гнушаться скверны зла, о сем говорится в притчах: *страх Господень ненавидит неправды* (8, 13). Что надежда также удерживает от увлечения страстями, – о сем сказано: *не прегрешат вси уповающие на Него* (Пс. 33, 23). О любви же сказано, что она даже не боится падения греховного: *любви николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8). Посему Апостол все дело спасения заключил в стяжании этих трех добродетелей, говоря: *ныне пребывают вера, надежда, любовь, – три сия* (1 Кор. 13, 13). Вера, внушая страх будущего Суда и мучений, отклоняет нас от скверны страстей; надежда, отторгая ум наш от настоящего ожиданием Небесных воздаяний, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в нас любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенною ненавистью отвращаться от всего, что противно им. Хотя эти три добродетели все ведут нас к одному концу, т. е. побуждают воздерживаться от всего недозволенного; но степенями своего достоинства они много разнятся между собою. Две первые свойственны тем людям, которые, стремясь к преспеянию, не восприняли еще сердечного их возлюбления; третья же исключительно принадлежит Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие. Ибо один Бог творит все благое не из побуждений страха или воздаяния, но по единому благолюбию. *Вся содела Господь Себе ради*, говорит Соломон (Притч. 16, 4), т. е. по благодати Своей Он обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных; поелику не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями людей, как вечно совершенная и по природе Своей неизменная благодать.

217. Посему, кто стремится к совершенству, тот с первой степени страха, собственно называемого рабским, должен постепенно восходить на стезю надежды. Здесь человек уподобляется уже не рабу, а наемнику; ибо действует в ожидании будущего воздаяния. Хотя он, уверенный в прощении грехов своих, уже не страшится наказания за них, а сознавая в себе добрые дела, чает получить за них добрую награду; но не мог еще дойти до расположения свойственного сыну, который в полной уверенности в отеческом всещедром к себе благоволении, не колеблясь почитает своим все принадлежащее Отцу.

218. Итак мы должны ускорять свое шествие, чтоб, посредством *николиже отпадающей любви* востекши на третью степень сынов, почитающих своим все принадлежащее Отцу, удостоиться воспринять образ и подобие Небесного Отца и, следуя примеру истинного Сына Его, взывать: *вся, елика имать Отец, моя суть* (Ин. 16, 15): что и блаж. Павел исповедует о нас, говоря: *вся ваша суть, аще Павел, или Аполлос, или Кифа, или мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть* (1 Кор. 3, 21, 22). К такому Богоподобию призывает нас и заповедь Спасителя: *будите убо вы совершении*, говорит

Он, *якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). У тех, которые находятся еще в состоянии рабов и наемников, расположение к добру иногда прерывается, именно, когда душа по причине некоего охлаждения ее чувства или по причине развлечения мирскими удовольствиями и радостями перестает поражаться страхом геенны или желанием будущих благ. Итак мы не иначе можем достигнуть истинного совершенства, как возлюбивши Бога не по другому чему, как по одному влечению любви к Нему; потому что и Он прежде возлюбил нас не для другого чего, как для нашего спасения. Для сего надобно нам стараться с пламенною ревностию восходить от страха к надежде, от надежды на степень любви к Богу, или любви к самым добродетелям с полною горячностью душевною, чтобы восприняв такую приверженность к добру, могли мы, сколько это доступно для человеческой природы, неуклонно пребывать в нем.

219. Великое находится различие между тем, кто страхом геенны или надеждою будущего воздаяния погашает в себе пламень страстей, – и тем, кто по чувству Божественной любви с омерзением отвращается от самой порочности и нечистоты, и блюдет в сердце благо чистоты по любви и приверженности к чистоте, и все делает, не мук страшась, а добродетель любя, и не на воздаяние в будущем обетованное взирая, а насыщен бывая сознательным вкушением настоящего блага. В таком состоянии человек, хотя б не имел никого свидетелем своих дел, не даст себе воспользоваться случаем ко греху, ни даже оскверниться тайно в мыслях услаждением греховным;

ибо питая в сердце истинную любовь к добродетели, он не только не приемлет в чувство ничего противного ей, но и с омерзением отвращается от того. А кто страхом удерживается от увлечения обольщением страстей, тот, по отнятии полагаемой страхом препоны, снова обратится к тому, что любит, и потому не всегда будет тверд в своей добродетели и никогда не будет покоен от борения страстей; так как никак не возможен стяжать твердого и непрерывного мира внутреннего, подаемого водворением чистоты. Где же нет покоя от браней, там нельзя время от времени не получать и ран. Ибо сколь бы кто искусен ни был в деле брани, сколь бы мужественно ни сражался, хотя бы часто наносил противникам смертельные раны, однако ж нельзя, чтоб и его не коснулось иногда вражеское острие. Напротив, кто, подавив всякое восстание страстей, наслаждается уже безопасным миром и вошел в приверженность к самой добродетели; тот постоянно сохранять будет это состояние доброго настроения, которым весь объят и которому весь предан, так как уверен, что ничего нет пагубнее погубления чистоты. Ему нисколько не прибавит честности уважение к присутствующим людям, и нимало не уменьшит ее у него уединение; но всегда и всюду нося с собою судию не только дел, но и помышлений своих – совесть, он преимущественно старается угодить Тому, Кого, как убежден, нельзя ни обойти, ни обмануть, от Коего и укрыться нельзя.

220. Кто, надеясь на Божию помощь, а не на свой ревностный труд, сподобится достигнуть сей степени совершенства, тот из рабского состояния, в котором действует страх, и из состояния наемнического, в котором двигателем служит не внутренняя доброта действующего, а чаяние воздаяния, переходит в состояние усыновления, в котором не имеют места ни страх, ни желание награды, но непрерывно действует одна *николиже отпадающая любовь*. Кто чрез такую любовь восстановит в себе образ и подобие Божии, тот будет услаждаться добром уже по сердечному расположению к самому добру; и стяжав терпение и кротость, некако подобные Божиим, не будет потом гневаться ни на какие пороки согрешающих, но паче, соболезнуя и сострадая их немощам, молиться будет о помиловании их, вспоминая, что и сам дотоле был одолеваем подобными страстями, пока не спасло его милосердие Господа, и что не своими усилиями исторгся он из уз жизни плотской, а благодать Божия избавила его от нее; – чтоб уразумел, что не гнев, а сострадание должно изъяслять к согрешающим, в мирном устроении сердца поя Богу: *растерзал еси узы моя: Тебе пожру жертву хвалы* (Пс.

115, 7), – и еще: *еще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя* (Пс. 93, 17); и чтобы находясь в таком смиренном настроении духа, мог исполнить и следующую заповедь Евангельского совершенства: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы* (Мф. 5, 44); и таким образом удостоился получить и прилагаемую к сей заповеди награду, по коей не образ только и подобие Божии носить сподобляемся, но нарицаемся сынами Божиими: *да будете*, говорится там, *сынове Отца вашего, Иже есть на небесех: яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя* (ст. 45). Каковую любовь сознавая себя достигшим, блаж. Иоанн говорит: *да дерзновение имамы в день судный, зане якоже Он есть, и мы есмы в мире сем* (1 Ин. 4, 17). Ибо человек по природе своей немощный и слабый, чем другим может быть, якоже Он есть, если не простертием благожелательной любви сердца своего, по подражанию Богу, на добрых и злых, праведных и неправедных? – Так чтоб творил добро по приверженности к самому добру, являя в себе истинно всыновленного Богу, о коем тот же блаженный Апостол так возглашает: *всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть* (1 Ин. 3, 9), и еще: *вемы, яко всяк рожденный от Бога греха не творит; но рожденный от Бога блюдет себя, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5, 18). – (Это, впрочем, должно разуметь не о всяком роде грехов, а только о грехах смертных. – Поистине, невозможно и самым святым не впасть в те малые прегрешения, которые бывают в слове, в мысли, в желании, по неведению, по забвению, по какой-либо крайности, по нечаянному случаю, – которые, хотя различны от греха, называемого грехом к смерти, однако ж не могут не иметь некоей виновности и укоризны). Итак кто, как мы сказали, приобретет любовь к добру и сделается подражателем Богу, тот облекшись в милосердие и долготерпение Господни (Кол. 3, 12), будет молиться и за самых гонителей своих, взывая подобно своему Господу: *Отче, отпусти им, не введи бо что творят* (Лк. 23, 34). Очевидный же признак души, не очищенной еще от скверных страстей, состоит в том, когда кто не имеет чувства соболезнования к чужим прегрешениям, но произносит на них строгий суд.

12. О конце покаянных трудов (Соб. 20-е)

221. Совершенное покаяние состоит в том, чтоб не делать более тех грехов, в коих каемся и в коих обличает нас совесть; доказательством же удовлетворения за них с нашей стороны и их нам прощения служит изгнание из сердец наших и самого сочувствия к ним. Да ведает всяк, что он еще не разрешен от прежних грехов, коль скоро в то время, как подъемлет труды и воздыхания в удовлетворение за них, пред очами ума его играют образы грешных дел, или тех, кои сам делал, или подобных им, и чрез это, не говоря услаждением предметами непотребными, но даже воспоминанием об них разоряется внутреннее доброе настроение души. Итак бодрственно трудящийся над таким удовлетворением тогда лишь пусть признает себя разрешенным от своих грехов и во всем, что прежде наделал, получившим прощение, когда почувствует, что сердце его нисколько уже не трогается их приманками, а не только воображением. Почему испытатель покаяния и прощения заседает в совести нашей, который прежде дня судного, пока еще медлим мы пребыванием во плоти сей, открывает нам отпущение вины нашей и объявляет об окончании удовлетворения возвещением о прощении. И чтоб определеннее выразить сказанное нами, – говорю: тогда наконец поверить должно, что отпущены нам все скверны прежних грехов, когда из сердца нашего будут изгнаны как сластолюбивые вожеления, так и страсти.

222. *Вопрос:* но откуда же после сего может порождаться в нас то святое и спасительное сокрушение и смирение, которые так описываются от лица кающегося: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых; рех: исповею на мя беззаконие мое Господеву*, чтоб поистине

и заслуженно могло быть приложимо к нам и следующее за сим: *и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5)? Или как, простершись в молитве, возмogli бы мы возбуждать в себе такие покаянные слезы, которые сильны бы были привлечь нам прощение грехов, как это делал св. Давид: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7), если изгоним из сердец наших всякую память о грехах наших, которую напротив повелевается нам крепко хранить словом Самого Господа: *Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя, и грехи твоя, и не помяну: ты же помяни* (Ис. 43, 25)? Почему не только за рукоде-лием, но и на молитве я нарочно стараюсь вызывать в душе своей воспоминание прежних грехов, чтоб действительнее расположившись к истинному смирению и сокрушению сердца, возыметь дерзновение сказать с пророком: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18).

223. *Ответ:* сказанное сказано о конце покаяния и о признаке удовлетворения сове-сти и правды. Что же касается до воспоминания грехов, то это конечно довольно полезно и нужно; но только для тех, которые еще проходят подвиг покаяния, – чтобы они, бия в перси своя, непрестанно вzywали: *яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5), – и еще: *яко беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресемоем* (Пс. 37, 19). Итак, когда совершаем мы покаяние, и воспоминание о прежних греховных делах еще уязвляет нас, тогда оно необходимо, чтоб рождающийся при сем от сознания своей виновности дождь слезный угашал огонь совестного жжения. Когда же у кого действием углубленного смире-ния сердца и сокрушения духа, при неутомимом покаянном труде и воздыхании, воспоми-нание о них будет усыплено и жало совести благодатию милосердного Бога будет изъято из глубины души, тогда явно будет, что он достиг конца удовлетворения, заслуженно получил всепрощение и очистился от скверны всех грехов своих. До такого однако ж забвения не иначе доходят, как чрез заглаживание прежних грехов и страстных увлечений, и совершенно полное очищение сердца; и его без смирения никто не может достигнуть из тех, которые по нерадению или презорству небрегут об очищении своих страстей, а только тот, кто горьким плачем и непрестанными воздыханиями измoет всю скверну прежних нечистот, и может, по трудах, всю крепостию души вzywать к Богу: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых* (Пс. 31, 5), – и: *быша слезы моя мне хлеб день и ночь* (Пс. 41, 4), – чтоб, вследствие того, заслуженно услышать от лица Господа: *отъях яко облако беззакония твоя, и яко примрак грехи твоя* (Ис. 44, 22).

224. Ты сказал пред сим, что нарочно вызываешь воспоминание о прежних грехах. Этого не следует делать; даже если против воли вторгнется такое воспоминание, то его надо тотчас изгонять, потому что оно отвлекает ум от чистого созерцания, особенно у того, кто пребывает в уединении, впутывая его в нечистоты мира сего и задушая зловонием страстей. Ибо когда ты возобновляешь воспоминание о том, что по неведению или по похоти наделал прежде по князю века сего, оттуда, – уступлю тебе, что при таком помышлении не подкра-дывается к тебе никакое тем соуслаждение, – тогда всеконечно и одно это мысленное сопри-косновение с прежнею гнилью испортит воздух ума отвратительным зловонием и изгонит духовный запах, или сладость благоухания добродетелей. Почему, когда память о прежних страстных делах толкнет в чувство, то от него должно отскакивать так же, как отбегает муж честный и степенный от бесстыжей и дерзкой женщины, при всех обращающейся к нему с объятиями или разговорами. Ибо если он не отклонит от себя тотчас ее прикосновение и допустит хоть самое короткое промедление в нечестном с нею разговоре; то пусть и оттолк-нет согласие на срамное удовольствие, никак однако ж не избежит осуждения всех проходя-щих, как допустивший нечто бесславное и укоризненное. Так и мы, если будем введены в такого рода помышления заразительным воспоминанием, то нимало не должны промедлять в них, но тотчас оступить от воображения их, – чтоб Ангелам, когда, мимоходя, увидят они нас опутанными такими нечистыми и срамными помыслами, не попрепятствовать сказать

о нас: *благословение Господне на вас, благословихом вы во имя Господне* (Пс. 128, 8). Но бывает часто и то, что иной из неопытных, в чувстве сокрушения перебирая падения свои или других людей, незаметно уязвляется тончайшею стрелою похоти и согласиём на нее, – и таким образом начатое под видом благочестия заканчивает срамным и пагубным для себя концом. *Ибо суть путие мнящиися правы быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25).

Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский

Краткое сведение о преподобном Исихии

Преподобный Исихий, уроженец Иерусалимский, в молодых годах своих был слушателем и учеником св. Григория Богослова. По кончине великого наставника своего проводил жизнь подвижническую в одной из пустынь Палестинских, где продолжал изучать дух христианства то в книгах, то из устных бесед с современными подвижниками Палестины, то опытами собственной жизни и своими исследованиями. В 412 году Иерусалимский архиепископ посвятил просвещенного подвижника во пресвитера, и с сего времени, соединяя с саном пресвитера и звание проповедника, он является в истории Церкви как один из знаменитых учителей. «Великий Евфимий, как пишет ученик его Кирилл Скифопольский (в житии св. Евфимия), много был утешен тем, что св. Ювеналий патриарх Иерусалимский, прибыв в 429 году в обитель его на освящение храма, взял с собою и просвещенного Исихия, пресвитера и учителя Церкви».

Феофан в хронографе своем кончину его полагает в 26 году царствования Феодосия юнейшего, который соответствует 432-3 году. В месяцеслове императора Василия память его указывается 28 Марта. У нас, как и на всем востоке, ныне поминается он со всеми преподобными в сырную субботу. В каноне св. Феодора Студита на сей день в 9 п. он поставляется в сонме великих учителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Афанасия Великого, двух Кириллов – Иерусалимского и Александрийского, св. Елифания, Григория Нисского, – и именуется другим богословом, разумеется, после Григория Богослова.

По ученым трудам своим прп. Исихий был достойным учеником св. Григория Богослова. Месяцеслов импер. Василия, отличая в прп. Исихии проповедника и толкователя Священного Писания, говорит: «все Святое Писание изъяснил и изложил он с ясностию и предложил для общей пользы; почему для всех был весьма знаменит и удивителен».

Из многих его творений, подражая греческому Добротолюбию, заимствуем в наш подобный сборник одно на 203 главы разделенное слово к Феодулу, как самое полезное для желающих навывкнутъ трезвению, вниманию и хранению сердца. Блаж. Фотий в своей филокалии, в 198 чтении, именует слово сие «паче всякого другого писания пригодным для проводящих подвижническую жизнь ради наследия Царства Небесного. Изложено оно, говорит, ясно и по всему таково, какое требуется для людей, не упражняющихся в глубоких исследованиях, но весь труд и все тщание обращающих на подвиги деятельной жизни».

[При переводе греческий текст Добротолюбия был дополняем в некоторых местах из *Patrologiae Graecae Migne*, t. 93].

Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве

1. Трезвение есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божиею помощию, совершенно избавляет человека от страстных помыслов, и слов, и худых дел; дарует тому, кто его так проходит, верное познание Бога непостижимого, сколько сие возможно для нас, и сокровенное разрешение сокровенных Божественных таин; и есть творительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и всякого блага будущего века подательница. – Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своим высоким качествам или, истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению, крайне редка ныне у монахов; между тем как Христос ублажает ее, говоря: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Будучи таковым, оно и покупается дорогою ценою. Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительницею к правой и богоугодной жизни. Оно есть и лестница к созерцанию; оно же научает нас право править движениями троичности души (т. е. трех сил: мыслительной, раздражительной и желательной) и твердо хранить чувства, – и в причастнике своем каждодневно возвращает четыре главные добродетели (т. е. мудрость, мужество, воздержание и справедливость).

2. Великий Законодатель Моисей, паче же Дух Святой, показывая, сколь сия добродетель непорочна, чиста, всеобъемлюща и высокотворна, и научая нас, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония* (Втор. 15, 9), тайным словом называя одно мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистой вещи: что св. отцы называют также приводимым в сердце от диавола прилогом, за которым, вслед за появлением его в уме, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ним разглагольствуют.

3. Трезвение есть путь всякой добродетели и Заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием и есть то же, что хранение ума, в совершенной немечтательности держимого.

4. Не видит солнечного света родившийся слепым: так не видит сияний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не живет в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений. Таковые во исходе своем не минуют свободно (имеющих сретить их) князей тартара.

5. Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им Одним всегда, непрерывно и непрестанно дышит, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов и Ему, имеющему власть оставлять грехи, исповедует свои прегрешения. Такая душа чрез призывание часто объемлет Христа, Единого Тайноведца сердец, от людей же всех всячески старается скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтобы враг лукавый как-нибудь не дал удобного в нее входа злу и не уничтожил добрейшего ее делания.

6. Трезвение есть твердое водружение помысла ума и стояние его у двери сердца; так что он видит, как подходят чуждые помыслы, эти воры – окрадыватели, слышит, что говорят и что делают эти губители, и какой демоны начертывают и устанавливают образ, покушаясь, увлекши чрез него в мечтания ум, обольстить его. Коли будем люботрудно проходить такое действие, то оно, если хотим, очень основательно и внятно на опыте покажет искусство мысленной брани и доставит опытность в ней.

7. Сугубый страх, с одной стороны, от оставлений Божиих, с другой, от обучающего поущения искушений внешних, обыкновенно рождает частость надзирательного вни-

мания в уме человека, старающегося заградить источник худых помыслов и дел. Для этого именно и оставления бывают, и посылаются нечаянные искушения от Бога к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего (внимания и трезвения), – и вознерадел. – От частости сей рождается навык; от этого – естественная некая непрерывность трезвения; а от сего, по свойству его, мало-помалу порождается видение брани, за которым последует непрестанная молитва Иисусова, сладостная без мечтаний тишина ума и дивное некое состояние, исходящее от сочетания со Иисусом.

8. Ум, стоящий и призывающий Христа на врагов и к Нему прибегающий, подобен зверю какому-нибудь, который, быв окружен множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали, приводя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, он непрестанно против них молится Миротворцу Иисусу, и чрез то пребывает неуязвимым ими.

9. Если ведаешь, и дано тебе *завтра представлять пред Господа*, – и не только зриму быть, но и зреть (Пс. 5, 4); то ты разумеешь, о чем я говорю. Если же нет, трезвенствуй, и получишь.

10. Состав морей – множество вод; а состав и твердыня трезвения бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных, и разумного смирения, правоты и любви есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Христу Иисусу без помыслов с воздыханиями молитва непрестанная, притрудная, но без уныния и скучания (Лк. 18, 1).

11. *Не всяк глаголай Ми: Господи Господи, внидет*, говорит Господь, *в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21). Воля же Отца Его есть сия: *любящих Господа, ненавидите злая* (Пс. 96, 10). Итак при молитве к Иисусу Христу возненавидим злые помыслы, – и воля Божия исполнена.

12. Владыка наш и Бог, воплотившись, предложил начертание всякой добродетели в пример роду человеческому и в воззвание от древнего падения, живописав все добродетельное Свое во плоти житие. В числе многих других показанных Им добрых примеров Он, восшедши по крещении в пустыню, с постом вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как к простому человеку; и образом победы над ним, т. е. смирением, постом, молитвою и трезвением, кои держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, научил и нас, неключимых рабов, как держать достойно брань против духов злобы.

13. То, сколько, по-моему, есть способов (приемов) трезвения, могущих мало-помалу очистить ум от страстных помыслов, се, – я не поленюсь означить тебе не красною и не испещренною речью. Ибо я не считаю разумным и в этом слове, как бывает в повествованиях о внешних войнах, набором речений закрывать полезное, особенно для людей простых... *Ты же, чадо Тимофее*, скажу тебе словом Апостола, *внемли* тому, что будешь *читать* (1 Тим. 4, 13).

14. Итак один способ (прием) трезвения есть: – смотреть неотступно за мечтанием, или за прилогом; ибо без мечтания сатана не может устраивать помыслы и представлять их уму к его прельщению обманом.

15. Другой: – иметь сердце глубоко всегда молчащим и от всякого помысла безмолвствующим, и молиться.

16. Иной: – непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа.

17. Иной еще способ, иметь в душе непрестанное памятование о смерти.

18. Все сии делания, возлюбленный, подобно привратникам, взбраняют вход худым помышлениям; о том же, что должно лишь к Небу взирать (занимать всегда ум созерцанием вещей Небесных), ни во что вменяя землю (и все земное), – что также есть один из действительных способов трезвения, как и прочие, – об этом я с помощью Бога, дающего слово, изложу обстоятельнее в другом месте.

19. Если отсечем причины страстей (поводы к возбуждению их) и займемся духовными деланиями на короткое лишь время, а не пребудем в сем чине жизни навсегда, это самое имея занятие; то легко опять возвращаемся к плотским страстям, никакого другого не получив от того (добротолюбия) плода, кроме всеконечного омрачения ума и глубочайшего ниспадения в вещественное.

20. Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): *смирение*, крайнее *внимание*, *противоречие* (помыслам) и *молитву*. *Смирение*, – чтобы, как брань у него идет с соперниками – гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. *Внимание*, – чтобы всегда держать сердце свое неимеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. *Противоречие*, – дабы, как только уразумеет, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: и *отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42), – *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61, 2)? *Молитву*, – дабы после противоречия, тотчас из глубин сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанном. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром развевается и гонится прочь, или как дым исчезает с своим мечтанием.

21. Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, – молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа (незримо) был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий.

22. Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтоб узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления. Ясно также увидишь тогда и правость сердца (право ли оно действует, или в чем состоит правое действие сердца).

23. Как держащий в руке зеркало и смотрящий в него, стоя между другими, видит и свое лицо, каково оно, видит и других, смотрящихся в то же самое зеркало: так со всем вниманием смотрящий в сердце свое видит в оном свое собственное состояние, видит и мрачные лица мысленных эфиопов.

24. Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою: да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры будучи враги наши, притворяются побежденными, замышляя низложить борца отынуды, – чрез тщеславие; при призывании же имени Иисусова и минуты постоять и злокознить против тебя не стерпят.

25. Смотри не возмечтай о себе много (и не измысли своих способов к борьбе), подобно древнему Израилю: иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от Египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника – идола слиянного.

26. Под идолом же слиянным разумеи слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается, подобно так называемому быстроскрылому. Вот что исповедует уповающий на Господа: *Господь, говорит, помощник мой, и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя* (Пс. 27, 7); и кто, кроме Господа, *возстанет ми на лукавнующую? или кто спредстанет ми на делающую беззаконие* (Пс. 93, 16) – бесчисленные помыслы? На себя же, а не на Бога надеющийся падет падением ужасным.

27. Да будет тебе, возлюбленный, – если хочешь вести борьбу, как следует, – примерным указателем образа и чина сердечного безмолвия маленькое животное – паук. Тот хватает и умерщвляет малых мух, а ты, если так же, как он (сидит в своей паутиной норе), притрудно безмолвствуешь в своей душе, не переставай всегда избивать младенцев вави-

лонских, – за каковое избивание блаженным назвал бы тебя чрез Давида Дух Святый (Пс. 136, 9).

28. Как невозможно красному морю узрену быть на тверди небесной между звездами, и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом: так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помыслов и изгнать из него мысленных врагов без частого призывания имени Иисус-Христов.

29. Если со смиренным мудрованием, памятью о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призыванием Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своем, и с сими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь, – тесный, но радостно-творный и сладостный; то увидишь во святые созерцания святых, и просвещен будешь ведением глубоких таин от Христа, *в Немже вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3) и *в Коем живет всяко исполнение Божества телесне* (9). Ибо во Иисусе восчувствуешь ты, что в душу твою нисшел Дух Святый, Коим просвещаясь, ум человека *зрит откровенным лицом славу Божию* – (2 Кор. 3, 18). *Никтоже*, говорит Апостол, *можетрешии Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), Который тайно утверждает ищущего Его (в истине в Нем).

30. Любящим научение надо знать и то, – что злые демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения ею и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань, (имея при сем в намерении и то), чтобы, когда мы (забыв об опасностях нападения с их стороны) обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтания) и опять сделать нас невнимающими сердцу нерадивцами. Ибо их одна цель и один подвиг непрестанно заботит: – совсем не давать сердцу нашему быть внимательным к себе, зная, какое богатство собирается чрез это в душе. – Но мы тогда-то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовные созерцания, – и брань опять найдет на ум. Только будем все делать, скажу так, с совета Самого Господа и со смирением великим.

31. Пребывая в общежитии, мы должны с самоохотным изволением и готовностью сердца отсекал всякую волю свою пред настоятелем, и быть таким образом, при помощи Божией, некак самопроизвольными безвольниками. При сем всячески надлежит нам ухитряться, чтобы не возмущаться раздражительностью и не допускать неразумных и неестественных движений гнева, потому что иначе в час брани духовной мы будем оказываться бездерзновенными (лишенными мужества). Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем ее, обыкновенно раздражается на тех, кои покушаются отсекать ее принудительно (без нашего соизволения); а из-за сего подвигнутый гнев, злобно лая, губит разумение брани (уменьше вести ее), которое с большим трудом едва можно было стяжать. Гнев обыкновенно бывает разрушителен. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их разбивает и истребляет; а если воскипит против людей, то истребляет в нас благие относительно их помышления. Таким образом гнев, как очевидно, является разрушительным для всякого рода помыслов, худых ли то или, если случится, и правых. Он дарован нам от Бога, как щит и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнет действовать не сообразно с ним, то бывает разрушителем. Видал я, что и пес, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец.

32. Так надлежит бегать дерзости (безосторожной вольности в обращении с другими), как яда аспидова, и уклоняться от частых бесед, как от змий и порождений ехиднинных; потому что они весьма скоро могут привести в совершенное забвение о внутренней брани и низвести душу долу с обрадывающей высоты, доставляемой чистотою сердца. Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию, и сильным супостатом ему бывает каждочасно. От забвения приходим в нерадение, от нерадения переходим к пренебрежению (порядков духовной жизни) и унынию, – и к безместным похотениям;

и таким образом опять возвращаемся вспять, как пес на свою блевотину (2 Петр. 2, 22). Будем же бегать вольности, как яда смертоносного; а злой недуг забвения будем врачевать крайне строгим хранением ума и непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа: ибо без Него не можем мы *творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

33. Необычно, да и невозможно, дружить со змием и носить его в недрах своих; невозможно и тело всячески ласкать, любить его и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, – и вместе с тем пещись о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтобы не уязвить пригревшего, а это (тело), – чтобы не осквернить угождающего ему движениями похотной сласти.

Когда тело в чем-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглого раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства похотно, будто вином в корчемнице, да не неведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба ношная – прах тленный. До самого исхода своего не доверяй плоти своей. Хотение плоти, говорит Апостол, *вражда на Бога; закону бо Божию не поκειται* (Рим. 8, 7), – и: *плоть бо похотствует на духа* (Гал. 5, 17), – еще: *суции во плоти, Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в душе* (Рим, 8, 8–9).

34. Дело *благоразумия* есть – всегда подвигать раздражительную силу нашу к схваткам во внутренней брани и к самоукорению; дело *мудрости*, – мысленную силу нашу напрягать к трезвению строгому и непрерывному и к духовному созерцанию; дело *справедливости* – желательную силу направлять к добродетели и к Богу; дело *мужества* – управлять пятью чувствами и удерживать их, чтобы они не оскверняли ни внутреннего нашего человека, или сердца, ни внешнего, или тела.

35. *На Израили велелепота Его*, – на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, и *сила Его на облацех* (Пс. 67, 35), – на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в Седящего одесную Отца, Который, осиявая их, подобно тому как солнце озаряет лучами своими чистые облака, являет достолюбезнейшими.

36. *Согрешаяй един погубит благостыню многу*, – говорит Божественное Писание (Еккл. 9, 18); и ум, согрешая, погубляет то, о чем написано в предыдущей главе, – эти Небесные пития и брашна.

37. Не сильнее мы Сампсона, не премудрее Соломона, не разумнее Давида блаженного, не паче Петра верховного любим мы Бога. Да не надеемся же на самих себя; ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным.

38. Научимся от Христа смиренномудрию, от Давида – смирению, от Петра – плакать о случающихся падениях, но не отчаиваться подобно Сампсону, Иуде и вельми премудрому Соломону.

39. *Диавол, яко лев рыкая, ходит с своими полчищами, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Да не пресекаются же у нас никогда – сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою: потому что только Он Один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства.

40. Дерзновенно убо да уповаet душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшитсЯ: ибо не один воует, но с Страшным Царем Иисусом Христом, Творцом всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого.

41. Как дождь чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее; так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия.

42. Неопытным хорошо знать и то, что мы, дебелие и к земле поникшие и телом и мудрованием, врагов своих, бестелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, искусившихся в брани, какую ведут от Адама до ныне, не другим

каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопытных молитва Иисус-Христова да будет возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же – самый лучший наставник в добре есть деяние, испытание делом и вкушение добра.

43. Как дитя малое и нелукавое, видя, как иной выделяет какие-либо фантазии, утешается тем и, по незлобию своему, последует за этим дивотворцем: так и душа наша, будучи проста и блага, – ибо такую создана от благого Владыки своего, – услаждается мечтательными прилогами диавола и, обольщаясь ими, подбегает к нему злокозненному, будто к добром, как голубица к расставляющему сети для ее птенцов, и смешивает таким образом свои помыслы с мечтанием бесовского прилога. Если это будет лицо красивой женщины или другое что, заповедями Христовыми совершенно запрещенное; то замышляет, как бы ухитриться и в дело привести то, что внушила представившаяся красота; а потом дошедши до сосложения с помыслом тем, она уже и в дело посредством тела проводит вообразившееся ей в мысли беззаконие, на осуждение себе.

44. Такова хитрость лукавого, и такими-то стрелами оядотворяет он всякую добычу. Посему не безопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, – особенно в начале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется вслед их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекал их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, все в нем разузнает и навык приобретет в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы, и, как говорит пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малыя* (Песн. 2, 15): тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощью Христовою, обличать и извергать вон.

45. Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде, так невозможно греху войти в сердце, если он не постучится прежде в дверь сердца мечтанием лукавого прилога.

46. Первое есть прилог; второе – сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье – сосложение, когда обою рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние, или грех. Итак, если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его приражения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом бестелесным, не иначе может прельщать души, как чрез мечтание и помыслы. (Из сих действий) о прилоге говорит Давид: *во утрия избивах вся грешныя земли* (Пс. 100, 8); великий же Моисей говорит о сосложении: *да не смесишися с ними* (Исх. 23, 32).

47. Ум с умом невидимо сцепляется на борьбу, – ум демонский с нашим. Поэтому каждую минуту нужно из глубины души взывать ко Христу, чтобы Он отогнал ум демонский, добычу же победную даровал нам, как Человеколюбец.

48. Образом сердечного безмолвия да будет тебе держащий в руках зеркало и внимательно смотрящий в него; и тогда (когда, т. е. станешь подражать ему) увидишь ты, как мысленно пишется в сердце твоём и худое и доброе.

49. Блюди присно, чтобы никогда никакого помысла не иметь в сердце своём, ни непотребного, ни благовидного, дабы таким образом удобно было тебе узнавать иноплеменников, т. е. первородных сынов египетских (разумеются прилоги).

50. Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения. Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом в великом смирении бодренно проходимая! Ибо она до моря и глубины созерцаний простирает ветви свои и до рек сладких Божественных таин – отрасли свои (Пс. 79, 12),

напаяет (орошает, освежает) ум, с давнего времени палимый нечестием от сланости лукавых помыслов бесовских и неистового мудрования плоти, в коем смерть.

51. Трезвение подобно лестнице Иакова, на верху которой восседит Бог и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь каталог (список) чувственных страстей, не терпя и на короткое время лишиться собственной своей сладости.

52. Его-то, братия мои, будем проходить всеусердно. Но, чистою во Христе Иисусе мыслию паря в видениях его, будем поддерживать и зрение своих прегрешений и прежней жизни, чтобы, памятию грехов своих будучи сокрушаемы и смиряемы, имели мы в мысленной брани неотступную помощь Иисуса Христа, Бога нашего. Ибо коль скоро за гордость, или тщеславие, или самолюбие, лишимся мы помощи Иисусовой, то лишимся вместе с тем и чистоты сердечной, посредством которой дает познать Себя человеку Бог, так как по обетованию (Мф. 5, 8), первая есть причина второго (чистота сердца – Боговидения).

53. Ум, не нерадящий о своем сокровенном делании, вместе с другими благами, от непрестанного упражнения и хранения себя происходящими, обретает и то, что пять чувств телесных не будут у него споспешниками искушений греховных, приходящих совне. Внимая всецело своей добродетели – трезвению – и добрыми всегда желая услаждаться помышлениями, не попускает он пяти чувствам окрадывать себя, чрез вход к себе путем их вещественных и суетных помыслов; но зная, какие случаются чрез них обольщения, сильным напряжением обуздывает их извнутри.

54. Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него, терпи, что найдет.

55. Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище полезна горькая полынь, так для злонравных полезно терпеть злосключения.

56. Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что первое неотступно следует за последним. Что кто сеет, то и пожнет. Так, когда мы, добровольно сея зло, против воли пожинаем (скорбное), то должны дивиться в сем правосудию Божию.

57. Ослепляется ум тремя следующими страстями: – сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

58. Ведение и вера, совоспитанники естества нашего, не от другого чего, как от них отупели.

59. Ярость и гнев, брани и убийства и весь каталог (список) прочих страстей чрез них сильно утвердились в людях.

60. Не знающий истины не может и веровать истинно; потому что знание естественно предшествует вере. Что сказано в Писании, сказано не для того, чтобы мы знали только, но чтобы и делали то.

61. Начнем же делать. Так постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слезы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовного закона, и обретение правды Божией, и Духа Святого наитие, и духовных сокровищ подавание, и все, что обещавал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом, – невозможно душе иначе являться сущю по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающего, в глубоком смирении и в нерассеянной молитве.

62. Великое воистину благо из опыта прияли мы, – то, чтобы непрестанно призывать Господа Иисуса на мысленных супостатов, если желает кто очистить сердце свое. И смотри, как сказанное мною из опыта слово согласно с свидетельствами Писания: *Уготовися, говорит оно, призываюми Господа Бога Твоего, Израилью* (Ам. 4, 12). Апостол также говорит: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). И Господь нам вещает: *без Мене не можете творити*

ничесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет (Ин. 15, 5–6). Великое благо – молитва, все блага в себе совмещающее, поелику очищает сердце, в коем верующими узревается Бог.

63. Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно и Богу любезно, имеет силу истреблять всякое зло в нас и все Богу ненавистное; то сего ради не удобно стяжается. Удобно, может быть, найдешь ты в ином человеке частные некие деяния многих добродетелей, но, поискав в нем благоухание смирения, едва ли найдешь его. Потому много потребно радения и усилий, чтобы стяжать сие сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самого начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость. За это одно везде в Писании называется он нечистым духом. Ибо какую телесную нечистоту могло бы учинить существо совершенно невещественное, бесплотное и не членосоставное, чтобы ради этого называться нечистым? Явно, что за гордость и назван он нечистым и из чистого и светлого Ангела прозван скверным. *Нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Первый грех, по Писанию, есть *гордыня* (Сир. 10, 15). Что Фараон говорил: *Бога твоего не вем и Израиля не отпущу* (Исх. 5, 2), – говорил, яко гордый.

64. Есть много действий ума, могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как то: воспоминание согрешений – словом, делом и помышлением, и другое многое, мысленно пересматриваемое, споспешествует к смиренномудрию. Располагает к истинному смирению и то, когда кто вращает в уме непрестанно добродетели ближних, и другие естественные их преимущества превозносит, сравнивая свое с их. Видя таким образом ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства других, человек естественно станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом неким, потому что от всех на земле сущих разумных тварей во всем отстает и всех их скуднее и нищнее.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий Отец наш Василий говорит: «великое пособие к тому, чтобы не грешить и на другой день не впадать опять в то же, есть – по окончании дня подвергать суду совести себя самих и все свое, чтобы видеть, в чем мы проступились и в чем поступили правильно. Так поступал и Иов, как в отношении к себе самому, так и в отношении к детям своим». Такое каждодневное разбирательство освещает и то, что бывает у нас каждочасно, (или научает каждочасному разбирательству, чтобы видеть, как должно действовать каждый час).

66. Другой же некто, также из мудрых в божественных вещах, сказал: «начало плодоносия – цвет; а начало деятельной жизни – воздержание». Восприимем же воздержание и притом мерою и весом, как учат отцы, и весь день двенадцатичасный будем проходить в хранении ума. Действуя так, мы при помощи Божией, с неким себя нуждением, возможем угасить и умалить в себе зло. Ибо с нуждением себя стяжается добродетельное житие, за которое дастся Царствие Небесное.

67. Путь к ведению есть бесстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа.

68. Непрестанно пребывающий во внутреннем своем и там всегда вращающийся целомудрствует; и не только это, но еще и созерцательствует, и богословствует, и молится. И сие то есть, о чем говорит Апостол: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16).

69. Неумеющий шествовать духовным путем не заботится о страстных помышлениях (т. е. не гонит их от себя), но все занят бывает только телом, или чревоугодничает и распутничает, или опечаливается, гневается и злопамятствует и чрез то омрачает ум, или начиная чрезмерные подвиги, расстроивает сердце.

70. Отрекшийся от житейского, т. е. от жены, имения и прочего, внешнего лишь человека сделал монахом, а не и внутреннего. Но кто отрекся от страстных помыслов обо всем этом, тот сделал монахом и внутреннего человека, который есть ум. И такой есть истинный

монах. Внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но не мал труд – сделать монахом человека внутреннего.

71. Кто есть в роде сем совершенно освободившийся от страстных помыслов и непрестанной сподобившийся молитвы, чистой и невещественной, – что и есть отличительная черта внутреннего человека?

72. Много страстей сокрыто в душах наших; но обличают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы).

73. Не все занимайся телесным обучением; но, определив для тела посильный подвиг, весь ум обрати на внутреннее: *телесное бо обучение в мале есть полезно: а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8).

74. При бездействии страстей, – потому только, что или причины их (предметы, поводы) устранены, или демоны коварно отступили, – порождается гордость.

75. Смирение и злострадание (подвижнические телесные лишения) освобождают человека от всякого греха, – то душевные отсекая страсти, а это телесные. Посему Господь говорит: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), – узрят и Его Самого, и сущие в Нем сокровища, когда любовью и воздержанием очистят себя, – и это тем более, чем более будут увеличивать свое очищение.

76. Созерцалище (обсерватория, обзорная башня) словес о всякой добродетели есть хранение ума, как древле страж Давидов обозначал обрезание сердца (2 Цар. 18, 24).

77. Как, на чувственно-вредное смотря, повреждаемся, так бывает и в отношении к умственному.

78. Как повредивший сердцевины растения все оное иссушает, так разумей и о сердце человеческом. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не дремлют.

79. Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение есть дар, заслуженный людям собственно Его Кровию, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Посему Царствие Небесное не есть награда за дела, а благодатный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы как награды; но (получив ее) благодарит, как должник, а (не получив) ожидает, как милости.

80. Христос по Писанию умер за грехи наши и рабам, добре работающим Ему, дарует свободу; ибо говорит: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21). Но верным раб бывает не тот, который опирается на голое знание (долга рабского), а тот, который показывает верность послушанием Христу, дававшему заповедь.

81. Чтущий господина своего творит повеленное им, погрешив же в чем-либо или преслушав, терпит, как должное ему, то, что за это бывает с ним. Будучи любознателен, будь и трудолюбив (разумеется, – в исполнении заповедей): ибо одно голое знание надмевает человека.

82. Неожиданно случающиеся с нами искушения промыслительно научают нас быть трудолюбивыми.

83. Принадлежность звезды свет, что около нее; а благочестивого и богобоязненного принадлежность – нищета и смирение, поелику не другому чему положено быть распознавательным и показательным признаком учеников Христовых, как смиренному мудрованию и уничиженному виду. Об этом повсюду вопиют четыре Евангелия. Кто же не так, т. е. не смиренно живет, тот лишается части Того, Кто смирил Себя до Креста и смерти и Кто есть деятельный Евангельский Законоположитель Божественных заповедей, показавший обязательные для нас заповеди (делом и жизнью, изображенными во Евангелиях).

84. *Жаждущии идите на воду*, говорит пророк (Ис. 55, 1); жаждущие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем, высоко чрез нее парящему должно обращать взор и на землю

своего нищенства. Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, все темно и мрачно; так и, когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды – суетны и бесплодны.

85. *Конец же слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13), и мысленно и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради них трудах. Давид говорит: *еже сотворити волю Твою восхотех, и закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39, 9).

86. Если не сотворит человек воли Божией и закона Его посреде чрева, т. е. посреде сердца, то и вне не может он удобно исполнять его. Не трезвенствующий и равнодушный как бы так говорит Богу: *путей Твоих видети не хощу* (Иов. 21, 14), – конечно по оскудению Божественного просвещения, причастный которого не только убеждением содержит в сердце закон, но и достаточно силен бывает жить по-Божиему.

87. Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от порчи и сохраняет его неповрежденным надолго; так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивного в сердце делания. Ибо оно Божественно услаждает и внутреннего и внешнего человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянными в добре.

88. От прилога – множество помыслов, а от этих – худое дело чувственное. Тотчас погашающий со Иисусом первое, избег и последующего. И обогатится он сладостным Божественным ведением, в коем всюду присущим будет зреть Бога, и поставив против Него зеркало ума, освещаться Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда наконец ум, достигнув последнего предела своих желаний, почиет от всякого другого в себе созерцания.

89. Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то Божественный Свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений.

90. Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу: и опять, – насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отделишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее, – уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса, – обыкновенно совсем омрачает его. Естественно сему делу быть так, как мы сказали, – и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда делом испытываешь. Ибо добродетель, и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом.

91. Непрестанное с теплым неким желанием, полным сладости и радования, призывание Иисуса производит то, что воздух сердца от крайнего внимания исполняется отрадной тишины. Того же, чтобы сердце совершенно очистилось, виновником бывает Иисус Христос Сын Божий и Бог, всего доброго виновник и Творец. Ибо Он Сам говорит: *Аз Господь Бог, творяй мир* (Ис. 45, 7).

92. Душа, будучи благодетельствуема и услаждаема Иисусом, с радованием неким и любовью воздает Благодетелю исповеданием, благодаря и с веселием призывая Умиротворившего ее: ибо внутри себя мысленно видит, как Он развеивает мечтания злых духов.

93. *И воззре*, говорит Давид, *умное око мое на мысленных врагов моих, и востающая на мя лукавнующия услышит ухо мое* (Пс. 91, 12–13). И *воздаяния грешникам* зрел я от Бога во мне совершающимся (Пс. 90, 8). Когда же нет никаких мечтаний в сердце, тогда ум стоит в естественном своем чине, готов будучи подвигнуться на всякое сладостное созерцание, духовное и боголюбивое.

94. Таким образом, как я сказал, трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, – крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания.

95. Добрый педагог и телу и душе есть незабвенная память о смерти и то, чтобы, минув все посреде сущее (т. е. между настоящею минутою и часом смерти), ее всегда пред собою зреть, и тот самый одр, на котором имеем лежать, разлучаясь с телом, и прочее.

96. Нельзя, братия, предаваться сну тому, кто хочет всегда пребывать неуязвленным. Но одно из двух неизбежно – или пасть и погибнуть, обнажившись от добродетелей, или всегда стоять (на страже) с вооруженным умом: так как и враг всегда стоит с своим ополчением (подстерегая).

97. Рождается в уме нашем божественное некое состояние от непрестанного памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем нерадеть о всегдашнем к Нему во уме молении, о непрерывном трезвении и о приставническом или привратническом деле (т. е. своих пропускать, а чужих отгонять); но воистину одно и одинаковым образом совершаемое всегда будем иметь дело призывания Иисуса Христа Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься (вкусить) Святого Имени Своего (чтобы оно в сердце внедрилось). Ибо учащение (частое повторение одного и того же) есть мать навыка как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку; а навык потом державствует, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет супостатов, как звероловный пес зайца в кустах; но сей ищет для того, чтобы пожрать, а тот, – чтобы поразить и разогнать.

98. Итак, всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, – как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

99. Как невозможно нагому телом выйти на войну, или переплыть большое море в одеждах, или жить, не дыша: так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно преследовать ее и пресекать.

100. Опытнейший в делах великий Давид говорит ко Господу: *державу мою к Тебе сохраню* (Пс. 58, 10) – (т. е. к Тебе обращаюсь за помощью). Так и сохранение державы сердечного и мысленного безмолвия, от которого рождаются все добродетели, бывает в нас от содействия Господа, давшего нам заповеди и отгоняющего от нас, когда непрестанно призываем Его, непотребное забвение, которое паче всего губит сердечное безмолвие, как вода огонь. Посему не предавайся, монах, сну от нерадения на смерть себе; но именем Иисусовым бичуй супостатов, и сие имя сладчайшее, как сказал один мудрый, да прилепится дыханию твоему: и тогда узнаешь ты пользу безмолвия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.